

Иван Тургенев

Где тонко, там и рвется

Иван Тургенев

Где тонко, там и рвется

«Public Domain»

1847

Тургенев И. С.

Где тонко, там и рвется / И. С. Тургенев — «Public Domain»,
1847

«Третьего дня Анненков читал у нас вечером Вашу комедию „Где тонко, там и рвется“, – писал Н. А. Некрасов 12 сентября 1848 г. из Петербурга в Париж Тургеневу. – Без преувеличения скажу Вам, что вещицы более грациозной и художественной в русской нынешней литературе вряд ли отыскать. Хорошо выдуманно и хорошо исполнено, – выдержано до последнего слова. Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять...»

Содержание

Примечания	28
Источники текста	28
Условные сокращения	35
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Где тонко, там и рвется

Комедия в одном действии

Действующие лица

Анна Васильевна Либанова, помещица, 40 лет.

Вера Николаевна, ее дочь, 19 лет.

M-me Bienaimé, компаньонка и гувернантка, 42 лет.

Варвара Ивановна Морозова, родственница Либановой, 45 лет.

Владимир Петрович Станицын, сосед, 28 лет.

Евгений Андреич Горский, сосед, 26 лет.

Иван Павлыч Мухин, сосед, 30 лет.

Капитан Чуханов, 50 лет,

Дворецкий.

Слуга.

Действие происходит в деревне г-жи Либановой.

Театр представляет залу богатого помещичьего дома; прямо – дверь в столовую, направо – в гостиную, налево – стеклянная дверь в сад. По стенам висят портреты; на авансцене стол, покрытый журналами; фортепьяно, несколько кресел; немного позади китайский бильярд; в углу большие стенные часы.

Горский (*входит*). Никого нет? тем лучше... Который-то час?.. Половина десятого. (*Подумав немного.*) Сегодня – решительный день... Да... да... (*Подходит к столу, берет журнал и садится.*) «Le Journal des Débats» от третьего апреля нового стиля, а мы в июле... гм... Посмотрим, какие новости... (*Начинает читать. Из столовой выходит Мухин. Горский поспешно оглядывается.*) Ба, ба, ба... Мухин! какими судьбами? когда ты приехал?

Мухин. Сегодня ночью, а выехал из города вчера в шесть часов вечера. Ямщик мой сбился с дороги.

Горский. Я и не знал, что ты знаком с madame de Libanoff.

Мухин. Я и то здесь в первый раз. Меня представили madame de Libanoff, как ты говоришь, на бале у губернатора; я танцевал с ее дочерью и удостоился приглашения. (*Оглядывается.*) А дом у нее хорош!

Горский. Еще бы! первый дом в губернии. (*Показывает ему «Journal des Débats».*^[1]) Посмотри, мы получаем «Телеграф»^[2]. Шутки в сторону, здесь хорошо живется... Приятное такое смешение русской деревенской жизни с французской vie de château¹. Ты увидишь. Хозяйка... ну, вдова, и богатая... а дочь...

Мухин (*перебивая Горского*). Дочь премиленькая...

Горский. А! (*Помолчав немного.*) Да.

Мухин. Как ее зовут?

Горский (*с торжественностью*). Ее зовут Верой Николаевной... За ней превосходное приданое.

Мухин. Ну, это-то мне все равно. Ты знаешь, я не жених.

---

¹ Жизнью в загородном замке (*франц.*).

Горский. Ты не жених, а (*оглядывая его с ног до головы*) одет женихом.

Мухин. Да ты уж не ревнуешь ли?

Горский. Вот тебе на! Сядем-ка лучше да поболтаем, пока дамы не сошли сверху к чаю.

Мухин. Сесть я готов (*садится*), а болтать буду после... Расскажи-ка ты мне в нескольких словах, что это за дом, что за люди... Ты ведь здесь старый жилец.

Горский. Да, моя покойница мать целых двадцать лет сряду терпеть не могла госпожи Либановой... Мы давно знакомы. Я и в Петербурге у ней бывал и за границей сталкивался с нею. Так ты хочешь знать, что это за люди, – изволь. *Madame de Libanoff (у ней так на визитных карточках написано, с прибавлением – née Salotopine²... Madame de Libanoff* женщина добрая, сама живет и жить дает другим.^[3] Она не принадлежит к высшему обществу; но в Петербурге ее не совсем не знают; генерал Монплеизир проездом у ней останавливается. Муж ее рано умер; а то бы она вышла в люди. Держит она себя хорошо; сентиментальна немножко, избалована; гостей принимает не то небрежно, не то ласково; настоящего, знаешь, шика нету... Но хоть за то спасибо, что не тревожится, не говорит в нос и не сплетничает. Дом в порядке держит и именем сама управляет... Административная голова! У ней родственница проживает – Морозова, Варвара Ивановна, приличная дама, тоже вдова, только бедная. Я подозреваю, что она зла, как моська, и знаю наверное, что она благодетельницы своей терпеть не может... Но мало ли чего нет! Гувернантка-французенка в доме водится, разливает чай, вздыхает по Парижу и любит *le petit mot pour rire³*, томно подкатывает глазки... землемеры и архитекторы за ней волочатся; но так как она в карты не играет, а преферанс только втроем хорош, то и держится для этого на подножном корму разорившийся капитан в отставке,^[4] некто Чуханов, с виду усач и рубака, а на деле низкопоклонник и льстец. Все эти особы уж так из дому и не выезжают; но у госпожи Либановой много других приятелей... всех не перечтешь... Да! я и забыл назвать одного из самых постоянных посетителей, доктора Гутмана, Карла Карлыча. Человек он молодой, красивый, с шелковистыми бакенбардами, дела своего не смыслит вовсе, но ручки у Анны Васильевны целует с умилением... Анне Васильевне это не неприятно, и ручки у ней недурны; жирны немножко, а белы, и кончики пальцев загнуты кверху...

Мухин (*с нетерпением*). Да что ж ты о дочери ничего не говоришь?

Горский. А вот постой. Ее я к концу приберегу. Впрочем, что мне тебе сказать о Вере Николаевне? Право, не знаю. Девушку в восемнадцать лет кто разберет? Она еще сама вся бродит, как молодое вино. Но из нее может славная женщина выйти. Она тонка, умна, с характером; и сердце-то у ней нежное, и пожить-то ей хочется, и эгоист она большой. Она скоро замуж выйдет.

Мухин. За кого?

Горский. Не знаю... А только она в девках не засидится.

Мухин. Ну, разумеется, богатая невеста...

Горский. Нет, не оттого.

Мухин. Отчего же?

Горский. Оттого, что она поняла, что жизнь женщины начинается только со дня свадьбы; а ей хочется жить. Послушай... который теперь час?

Мухин (*поглядев на часы*). Десять...

Горский. Десять... Ну, так я еще успею. Слушай. Между мной и Верой Николаевной борьба идет страшная. Знаешь ли ты, зачем я прискакал сюда сломя голову вчера поутру?

Мухин. Зачем? нет, не знаю.

Горский. А затем, что сегодня один молодой человек, тебе знакомый, намерен просить ее руки,

---

² Урожденная Салотопина (*франц.*).

³ Остроумное словцо (*франц.*).

Мухин. Кто это?

Горский. Станицын.

Мухин. Владимир Станицын?

Горский. Владимир Петрович Станицын, отставной гвардии поручик, большой мой приятель, впрочем добрейший малый. И вот что посудите: я же сам его ввел в здешний дом. Да что ввел! я его именно затем и ввел, чтобы он женился на Вере Николаевне. Он человек добрый, скромный, недалекого ума, ленивый, домосед: лучшего мужа и требовать нельзя. И она это понимает. А я, как старинный друг, желаю ей добра.

Мухин. Так ты сюда прискакал для того, чтобы быть свидетелем счастья твоего protégé?⁴

Горский. Напротив, я приехал сюда для того, чтобы расстроить этот брак.

Мухин. Я тебя не понимаю.

Горский. Гм... а, кажется, дело ясно.

Мухин. Ты сам на ней жениться хочешь, что ли?

Горский. Нет, не хочу; да и не хочу тоже, чтоб она вышла замуж.

Мухин. Ты в нее влюблен.

Горский. Не думаю.

Мухин. Ты в нее влюблен, друг мой, и боишься проболтаться.

Горский. Что за вздор! Да я готов все тебе рассказать...

Мухин. Ну, так ты сватаешься...

Горский. Да нет же! Во всяком случае, я жениться на ней не намерен.

Мухин. Ты скромн – нечего сказать.

Горский. Нет, послушай; я говорю с тобой теперь откровенно. Дело вот в чем. Я знаю, знаю наверное, что если б я попросил ее руки, она бы предпочла меня общему нашему другу, Владимиру Петровичу. Что же касается до матушки, то мы оба со Станицыным в ее глазах приличные женихи... Она не будет прекословить. Вера думает, что я в нее влюблен, и знает, что я боюсь брака пуще огня... ей хочется победить во мне эту робость... вот она и ждет... Но долго ждать она не будет. И не оттого, чтобы она боялась потерять Станицына: этот бедный юноша горит и тает, как свечка... но другая есть причина, почему она больше ждать не будет! Она начинает меня пронюхивать, разбойница! подозревать меня начинает! Она, правду сказать, меня слишком к стене прижать боится, да, с другой стороны, желает наконец узнать, что же я... какие мои намерения. Вот оттого-то между нами борьба и кипит. Но, я чувствую, нынешний день – решительный. Выскользнет эта змея у меня из рук или меня задушит самого. Впрочем, я еще не теряю надежды... Авось и в Сциллу не попаду и Харибду миную!^[5] Одна беда: Станицын до того влюблен, что и ревновать и сердиться не способен. Так и ходит с разинутым ртом и сладкими глазами. Смешон он ужасно, да одними насмешками теперь не возьмешь... Надо быть нежным. Уж я и начал вчера. И не принуждал себя, вот что удивительно. Я самого себя перестаю понимать, ей-богу.

Мухин. Как же это ты начал?

Горский. А вот как. Я уже тебе сказал, что я приехал вчера довольно рано. Третьего дня вечером я узнал о намерении Станицына... Каким образом, об этом распространяться нечего... Станицын доверчив и болтлив. Я не знаю, предчувствует ли Вера Николаевна предложение своего обожателя – от нее это станется, – только она вчера как-то особенно за мной наблюдала. Ты не можешь себе представить, как трудно, даже привычному человеку, сносить пронизательный взгляд этих молодых, но умных глаз, особенно когда она их немного прищурит. Вероятно, ее также поразила перемена моего обращения с нею. Я слышу за человека насмешливого и холодного, и очень этому рад: с такой репутацией легко жить... но вчера мне пришлось прикинуться озабоченным и нежным. К чему лгать? Я действительно чувствовал

---

⁴ Протеже – франц.

небольшое волнение, и сердце охотно смягчалось. Ты меня знаешь, друг мой Мухин: ты знаешь, что я в самые великолепные мгновенья человеческой жизни не в состоянии перестать наблюдать... а Вера представляла вчера зрелище пленительное для нашего брата наблюдателя. Она и отдавалась увлеченью, если не любви-я не достоин такой чести, – по крайней мере любопытства, и боялась, и не доверяла себе, и сама себя не понимала... Все это так мило отражалось на ее свежем личике. Я целый день не отходил от нее и к вечеру почувствовал, что начинаю терять власть над самим собою... О Мухин! Мухин, продолжительная близость молодых плечей, молодого дыхания – преопасная вещь! Вечером мы пошли в сад. Погода была удивительная... тишина в воздухе невыразимая... Mademoiselle Bienaimé вышла на балкон со свечкой: и пламя не шевелилось. Мы долго гуляли вдвоем, в виду дома, по мягкому песку дорожки, вдоль пруда. И в воде и на небе тихонько мерцали звезды... Снисходительная, ню осторожная mademoiselle Bienaimé с высоты балкона следила за нами взором... Я предложил Вере Николаевне сесть в лодку. Она согласилась. Я начал грести и тихонько доплыл до середины неширокого пруда... «Ou allez vous donc?»⁵ – раздался голос француженки. «Nulle part»⁶, отвечал я громко и положил весло. «Nulle part, – прибавил я вполголоса... – Nous sommes trop bien ici»⁷. Вера потупилась, улыбнулась и начала кончиком зонтика чертить по воде... Милая, задумчивая улыбка округляла ее младенческие щеки... она собиралась говорить и только вздыхала, да так весело, вот как дети вздыхают. Ну, что мне тебе еще сказать? Я послал к черту все свои предосторожности, намерения и наблюдения, был счастлив и был глуп, читал ей наизусть стихи... ей-богу... ты не веришь? ну, ей-богу же, читал, и еще дрожащим голосом... За ужином я сидел подле нее... Да... это все хорошо... Дела мои в отличном положении, и если б я хотел жениться... Но вот в чем беда. Ее не обманешь... нет. Иные говорят, женщины отлично на шпагах дерутся. И у ней не выбьешь шпаги из рук. Впрочем, посмотрим сегодня... Во всяком случае, я удивительный вечер провел... А ты что-то задумался, Иван Павлыч?

Мухин. Я? я думаю, что если ты не влюблен в Веру Николаевну, так ты либо чудака большой, либо невыносимый эгоист.

Горский. Может быть, может быть; да и кто... Те! идут... Aux armes!⁸ я надеюсь на твою скромность.

Мухин. О! Разумеется.

Горский (*глянув в дверь гостиной*). А! Mademoiselle Bienaimé... Всегда первая... поневоле... Ее чай ждет. (*Входит m-lle Bienaimé. Мухин встает и кланяется. Горский подходит к ней.*) Mademoiselle, j'ai l'honneur de vous saluer⁹.

M-lle Bienaimé (*пробираясь в столовую и исподлобья поглядывая на Горского*). Bien le bonjour, monsieur¹⁰.

Горский. Toujours fraîche comme une rose.¹¹

M-lle Bienaimé (*с ужимкой*). Et vous toujours galant. Venez, j'ai quelque chose à vous dire.¹² (*Уходит с Горским в столовую.*)

Мухин (*один*). Что за чудака этот Горский! И кто его просил меня выбрать в поверенные? (*Прохаживается.*) Ну, за делом я приезжал... Если б можно было...

⁵ Куда же вы? (*франц.*)

⁶ Никуда (*франц.*).

⁷ Нам и здесь хорошо (*франц.*).

⁸ К оружию! (*франц.*).

⁹ Мадемуазель, имею честь приветствовать вас (*франц.*).

¹⁰ Добрый день, сударь. (*франц.*).

¹¹ Всегда свежа и как роза. (*франц.*).

¹² А вы всегда любезны. Идемте, мне нужно кое-что вам сказать. (*франц.*).

Стеклянная дверь в сад быстро растворяется. Входит Вера в белом платье. У ней в руках свежая роза. Мухин оглядывается и кланяется с замешательством. Вера останавливается в недоумении.

Мухин. Вы... вы не узнаете меня... я...

Вера. Ах! Monsieur... Monsieur... Мухин; я никак не ожидала... когда вы приехали?

Мухин. Сегодня ночью... Вообразите, мой ямщик...

Вера (*перебивая его*). Маменька очень будет рада. Надеюсь, что вы у нас погостите... (*Оглядывается.*)

Мухин. Вы, может быть, ищете Горского... Он сейчас вышел.

Вера. Почему вы думаете, что я ищу господина Горского?

Мухин (*не без замешательства*). Я... я думал...

Вера. Вы с ним знакомы?

Мухин. Давно; мы с ним вместе служили.

Вера (*подходит к окну*). Какая сегодня прекрасная погода!

Мухин. Вы уже гуляли в саду?

Вера. Да... я рано встала... (*Глядит на край своего платья и на ботинки.*) Такая роса...

Мухин (*с улыбкой*). И роза ваша, посмотрите, вся в росе...

Вера (*глядит на нее*). Да...

Мухин. Позвольте спросить... вы для кого ее сорвали?

Вера. Как для кого? для себя.

Мухин (*значительно*). А!

Горский (*выходя из столовой*). Хочешь чаю, Мухин? (*Увидя Веру.*) Здравствуйте, Вера Николаевна!

Вера. Здравствуйте.

Мухин (*поспешно и с притворным равнодушием к Горскому*). А чай разве готов? Ну, так я пойду. (*Уходит в столовую*)

Горский. Вера Николаевна, дайте ж мне вашу руку... (*Она молча подает ему руку.*) Что с вами?

Вера. Скажите мне, Евгений Андреич, ваш новый приятель, monsieur Мухин, – глуп?

Горский (*с недоумением*). Не знаю... говорят, не глуп. Но что за вопрос...

Вера. Вы с ним большие приятели?

Горский. Я с ним знаком... но что ж... разве он вам что-нибудь сказал?

Вера (*поспешно*). Ничего... Ничего... я так... Какое чудесное утро!

Горский (*указывая на розу*). Я вижу, вы уже гуляли сегодня.

Вера. Да... Monsieur... Мухин меня уже спрашивал, кому я сорвала эту розу.

Горский. Что ж вы ему отвечали?

Вера. Я ему отвечала, что для себя.

Горский. И в самом деле вы ее для себя сорвали?

Вера. Нет, для вас. Вы видите, я откровенна.

Горский. Так дайте ж мне ее.

Вера. Теперь я не могу: я принуждена заткнуть ее себе за пояс или подарить ее mademoiselle Bienaimé. Как это весело! И поделом. Зачем вы не первый сошли вниз.

Горский. Да я и так прежде всех был здесь.

Вера. Так зачем я вас не первого встретила.

Горский. Этот несносный Мухин...

Вера (*поглядев на него сбоку*). Горский! вы со мной хитрите.

Горский. Как...

Вера. Ну, это я вам после докажу... А теперь пойдемте чай пить.

Горский (*удерживая ее*). Вера Николаевна! послушайте, вы меня знаете. Я человек недоверчивый, странный; с виду я насмешлив и развязен, а на самом деле я просто робок.

Вера. Вы?

Горский. Я. Притом все, что со мной происходит, так для меня ново... Вы говорите, я хитрю... Будьте снисходительны со мной... войдите в мое положение. (*Вера молча поднимает глаза и пристально смотрит на него.*) Я вас уверяю, мне еще никогда не случалось говорить... ни с кем так, как я с вами говорю... оттого мне бывает трудно... Ну да, я привык притворяться... Но не глядите так на меня... Ей-богу, я заслуживаю поощренья.

Вера. Горский! меня легко обмануть... Я выросла в деревне и мало видела людей... меня легко обмануть; да к чему? Славы вам большой от этого не будет... А играть со мною... Нет, я этому не хочу верить... Я этого не заслуживаю, да и вы не захотите.

Горский. Играть с вами... Да поглядите на себя... Да эти глаза насквозь все видят. (*Вера тихонько отворачивается.*) Да знаете ли вы, что, когда я с вами, я не могу... ну, решительно не могу не высказать всего, что я думаю... В вашей тихой улыбке, в вашем спокойном взоре, в вашем молчании даже есть что-то до того повелительное...

Вера (*перебивая его*). А вам не хочется высказаться? Вам все хочется лукавить?

Горский. Нет... Но послушайте, говоря правду, кто из нас высказывается весь? хоть вы, например...

Вера (*опять перебивая его и с усмешкой глядя на него*). Именно: кто высказывается весь?

Горский. Нет, я о вас теперь говорю. Например, скажите мне откровенно, ждете вы сегодня кого-нибудь?

Вера (*спокойно*). Да. Станицын, вероятно, сегодня к нам приедет.

Горский. Вы ужасная особа. У вас дар, ничего не скрывая, ничего не высказать... La franchise est la meilleure des diplomaties¹³, вероятно, потому, что одно не мешает другому.

Вера. Стало быть, и вы знали, что он должен приехать.

Горский (*с легким смущением*). Знал.

Вера (*нюхая розу*). А ваш monsieur... Мухин тоже... знает?

Горский. Что вы меня все о Мухине спрашиваете? Отчего вы...

Вера (*перебивая его*). Ну, полноте, не сердитесь... Хотите, мы после чаю пойдем в сад? Мы с вами поболтаем... Я у вас спрошу...

Горский (*поспешно*). Что?

Вера. Вы любопытны... Мы с вами поговорим... о важном деле. (*Из столовой раздается голос m-lle Bienaimé: «C'est vous, Vera?»¹⁴ (Вполголоса.)* Как будто она и прежде не слышала, что я здесь. (*Громко.*) Oui, c'est moi, bonjour, je viens¹⁵. (*Уходя, бросает розу на стол и говорит в дверях Горскому.*) Приходите же. (*Уходит в столовую.*)

Горский (*медленно берет розу и остается несколько времени неподвижным*). Евгений Андреич, друг мой, я должен сказать вам откровенно, что вам, сколько мне кажется, этот бесенок не под силу. Вы вертитесь и так и сяк, а она и пальчиком не шевельнет, и между тем пробалтываетесь-то вы. А впрочем, что же? Либо я одолею – тем лучше, либо я проиграю сражение – на такой женщине не стыдно жениться. Оно жутко, точно... да, с другой стороны, к чему беречь свободу? Нам с вами пора перестать ребячиться. Однако постойте, Евгений Андреич, постойте, вы что-то скоро сдаетесь. (*Глядит на розу.*) Что ты значишь, мой бедный цветок? (*Быстро оборачивается.*) А! маменька с своей подругой... (*Бережно кладет розу в карман.*

¹³ Откровенность – лучшая из дипломатий. (*франц.*).

¹⁴ Это вы, Вера? (*франц.*).

¹⁵ Да, это я, здравствуйте, иду. (*франц.*).

Из гостиной входит г-жа Либанова с Варварой Ивановной. Горский идет к ним навстречу.)
Bonjour, mesdames!¹⁶ как вы почивали?

Г-жа Либанова (*дает ему кончики пальцев*). Bonjour, Eugène...¹⁷ У меня голова сегодня немного болит.

Варвара Ивановна. Вы поздно ложитесь, Анна Васильевна!

Г-жа Либанова. Может быть... А где Вера? Вы ее видели?

Горский. Она в столовой за чаем с mademoiselle Bienaimé и Мухиным.

Г-жа Либанова. Ах да, monsieur Мухин, говорят, сегодня ночью приехал. Вы его знаете?
(*Садится.*)

Горский. Я с ним давно знаком. Вы не идете чай пить?

Г-жа Либанова. Нет, у меня от чаю волнение делается... Гутман мне запретил. Но я вас не удерживаю... Ступайте, ступайте, Варвара Ивановна! (*Варвара Ивановна уходит.*) А вы, Горский, остаетесь?

Горский. Я уже пил.

Г-жа Либанова. Какой прекрасный день! Le capitaine¹⁸ – видели вы его?

Горский. Нет, не видел; он, должно быть, по обыкновению, по саду гуляет... ищет грибов.

Г-жа Либанова. Вообразите, какую он вчера игру выиграл... Да сядьте... что ж вы стоите? (*Горский садится.*) У меня семь в бубнах и король с тузом червей, – червей, заметьте. Я говорю: играю; Варвара Ивановна пас, разумеется; этот злодей говорит тоже: играю; я семь; и он семь; я в бубнах; он в червях. Я приглашаю; но у Варвары Ивановны, как всегда, ничего нету. И что ж она, как вы думаете? возьми и поди в маленькую пику... А у меня король сам-друг. Ну, разумеется, он выиграл... Ах, кстати, мне в город послать надобно... (*Звонит.*)

Горский. Зачем?

Дворецкий (*выходит из столовой*). Что прикажете?

Г-жа Либанова. Пошли в город Гаврила за мелками... знаешь, какие я люблю.

Дворецкий. Слушаю-с.

Г-жа Либанова. Да скажи, чтобы побольше их взяли... А что покос?

Дворецкий. Слушаю-с. Покос продолжается.

Г-жа Либанова. Ну, хорошо. Да где Илья Ильич?

Дворецкий. В саду гуляют-с.

Г-жа Либанова. В саду... Ну, позови его.

Дворецкий. Слушаю-с.

Г-жа Либанова. Ну, ступай.

Дворецкий. Слушаю-с. (*Уходит в стеклянную дверь.*)

Г-жа Либанова (*глядя на свои руки*). Что ж мы сегодня будем делать, Eugène? Вы знаете, я во всем на вас полагаюсь. Придумайте что-нибудь веселое... Я сегодня в духе. Что, этот monsieur Мухин хороший молодой человек?

Горский. Прекрасный.

Г-жа Либанова. Il n'est pas gênant?¹⁹

Горский. О, несколько.

Г-жа Либанова. И в преферанс играет?

Горский. Как же...

---

¹⁶ Здравствуйте, сударыни! (*франц.*).

¹⁷ Здравствуйте, Евгений (*франц.*).

¹⁸ Капитан (*франц.*).

¹⁹ Он не стеснит нас? (*франц.*).

Г-жа Либанова. Ah! mais c'est très bien...²⁰ Eugène, дайте мне под ноги табуретку. (*Горский приносит табуретку.*) Merci...²¹ А вот и капитан идет.

Чуханов (*входит из сада; у него в фуражке грибы*). Здравствуйте, матушка вы моя! пожалуйте-ка ручку.

Г-жа Либанова (*томно протягивая ему руку*). Здравствуйте, злодей!

Чуханов (*два раза сряду целует ее руку и смеется*). Злодей, злодей... А все проигрываю-то я. Евгению Андреичу мое нижайшее... (*Горский кланяется; Чуханов смотрит на него и качает головой.*) Эка молодец! Ну, что бы в военную? А? Ну, как вы, моя матушка, как себя чувствуете? Вот я вам грибочков набрал.

Г-жа Либанова. Зачем вы корзинки не берете, капитан? Как можно грибы в фуражку класть?

Чуханов. Слушаю, матушка, слушаю. Нашему брату, старому солдату, оно, конечно, ничего. Ну, а для вас точно... Слушаю. Я вот их сейчас на тарелочку высыплю. А что, пташечка наша, Вера Николаевна, изволили проснуться?

Г-жа Либанова (*не отвечая Чуханову, к Горскому*). Dites-moi²², этот monsieur Мухин богат?

Горский. У него двести душ.

Г-жа Либанова (*равнодушно*). А! Да что они так долго чай пьют?

Чуханов. Прикажете штурмовать их, матушка? Прикажете! мигом одолеем... Не под такие фортеции хаживали... Таких бы вот нам только полковников, как Евгений Андреич...

Горский. Какой же я полковник, Илья Ильич? Помилуйте!

Чуханов. Ну, не чином, так фигурой... Я про фигуру, про фигуру говорю...

Г-жа Либанова. Да, капитан... подите... посмотрите, что они, отпили чай?

Чуханов. Слушаю, матушка... (*Идет.*) А! да вот и они. (*Входят Вера, Мухин, m-lle Vienaimé, Варвара Ивановна.*) Мое почтение всей компании.

Вера (*мимоходом*). Здравствуйте... (*Бежит к Анне Васильевне.*) Bonjour, maman²³.

Г-жа Либанова (*целует ее в лоб*). Bonjour, petite...²⁴ (*Мухин раскланивается.*) Monsieur Мухин, милости просим... Я очень рада, что вы нас не забыли...

Мухин. Помилуйте... я... столько чести...

Г-жа Либанова (*Вере*). А ты, я вижу, уже по саду бегала, шалуныя... (*Мухину.*) Вы еще не видели нашего сада? Il est grand²⁵. Много цветов. Я ужасно люблю цветы. Впрочем, у нас всяк волен делать что хочет: liberté entière...²⁶

Мухин (*улыбаясь*). C'est charmant²⁷.

Г-жа Либанова. Это мое правило... Терпеть не могу эгоизма. И другим тяжело, и самому себе не легче. Вот спросите у них... (*Указывая на всех вообще. Варвара Ивановна сладко улыбается.*)

Мухин (*тоже улыбаясь*). Мой приятель Горский мне уже сказывал. (*Помолчав немного.*) Какой у вас прекрасный дом!

Г-жа Либанова. Да, хорош. C'est Rastrelli,^[6] vous sa-vez, qui en a donné le plan²⁸, деду моему, графу Любину.

²⁰ А, да это прекрасно... (*франц.*).

²¹ Благодарю (*франц.*).

²² Скажите (*франц.*).

²³ Здравствуйте, мамонька. (*франц.*).

²⁴ Здравствуй, детка... (*франц.*).

²⁵ Он большой (*франц.*).

²⁶ Свобода полная (*франц.*).

²⁷ Это очаровательно (*франц.*).

²⁸ Это, знаете ли, Растрелли составил его проект. (*франц.*).

Мухин (одобрительно и с уважением). А!

В течение всего этого разговора Вера нарочно отворачивалась от Горского и подходила то к m-lle Bienaimé, то к Морозовой. Горский тотчас это заметил и украдкой поглядывает на Мухина.

Г-жа Либанова (обращаясь ко всему обществу). Что ж вы гулять нейдете?

Горский. Да, пойдемте же в сад.

Вера (все не глядя на него). Теперь жарко... Скоро двенадцатый час... Теперь самый жар.

Г-жа Либанова. Как хотите... (Мухину.) У нас бильярд есть... Впрочем, liberté entière, вы знаете... А мы, знаете ли что, капитан, мы в карточки засядем... Оно рано немножко... Да вот Вера говорит, что гулять нельзя...

Чуханов (которому вовсе не хочется играть). Давайте, матушка, давайте... Что за рано? Надо вам отыграться.

Г-жа Либанова. Как же... как же... (С нерешимостью к Мухину.) Monsieur Мухин... вы, говорят, любите преферанс... Не хотите ли? Mademoiselle Bienaimé у меня не умеет, а я давно не играла вчетвером.

Мухин (никак не ожидавший подобного приглашения). Я... я с удовольствием...

Г-жа Либанова. Vous êtes fort aimable...²⁹ Впрочем, вы не церемоньтесь, пожалуйста.

Мухин. Нет-с... я очень рад.

Г-жа Либанова. Ну, так давайте... мы в гостиную пойдем... Там уж и стол готов... Monsieur Мухин! donnez-moi votre bras...³⁰ (Встает.) А вы, Горский, придумайте нам что-нибудь для нынешнего дня... слышите? Вера вам поможет... (Идет в гостиную.)

Чуханов (подходя к Варваре Ивановне). Позвольте ж и мне предложить вам мои услуги...

Варвара Ивановна (с досадой сует ему руку). Ну, уж вы...

Обе четы тихонько уходят в гостиную. В дверях Анна Васильевна оборачивается и говорит m-lle Bienaimé: «Ne terminez pas la porte...»³¹ M-lle Bienaimé возвращается с улыбкой, садится на первом плане налево и с озабоченным видом берется за канву. Вера, которая некоторое время стояла в нерешительности – оставаться ли ей или идти за матерью. Вдруг идет к фортепьяно, садится и начинает играть. Горский тихонько – подходит к ней.

Горский (после небольшого молчания). Что это вы такое играете. Вера Николаевна?

Вера (не глядя на него). Сонату Клементи.^[7]

Горский. Боже мой! какая старина!

Вера. Да, это престарая и прескучная вещь.

Горский. Зачем же вы ее выбрали? И что за фантазия сесть вдруг за фортепьяно! Разве вы забыли, что вы мне обещали пойти со мною в сад?

Вера. Я именно затем и села за фортепьяно, чтоб не идти гулять с вами.

Горский. За что вдруг такая немилость! Что за каприз?

M-lle Bienaimé. Ce n'est pas joli ce que vous jouez là, Vera.³²

---

²⁹ Вы чрезвычайно любезны... (франц.).

³⁰ Подайте мне руку... (франц.).

³¹ Не закрывайте дверь... (франц.).

³² То, что вы играете. Вера, совсем не красиво. (франц.).

Вера (*громко*). Je crois bien...³³ (*К Горскому, продолжая играть.*) Послушайте, Горский, я не умею и не люблю кокетничать и капризничать. Я для этого слишком горда. Вы сами знаете, что я теперь не капризничаю... Но я сердита на вас.

Горский. За что?

Вера. Я оскорблена вами.

Горский. Я вас оскорбил?

Вера (*продолжая разбирать сонату*). Вы бы по крайней мере выбрали доверенного получше. Не успела я войти в столовую, как уж этот monsieur... monsieur... как бишь его?... monsieur Мухин заметил мне, что моя роза, вероятно, дошла наконец до своего назначения... Потом, видя, что я не отвечаю на его любезности, он вдруг пустился вас хвалить, да так неловко... Отчего это друзья всегда так неловко хвалят?.. И вообще так таинственно себя держал, так скромно помалкивал, с таким уважением и сожалением на меня посматривал... Я его терпеть не могу.

Горский. Что же вы из этого заключаете?

Вера. Я заключаю, что monsieur Мухин... a l'honneur de recevoir vos confidences³⁴. (*Сильно стучит по клавишам.*)

Горский. Почему вы думаете?.. И что мог я ему сказать...

Вера. Я не знаю, что вы сказать ему могли... Что вы за мной волочитесь, что вы смеетесь надо мной, что вы собираетесь вскружить мне голову, что я вас очень забавляю. (*M-lle Bienaimé сухо кашляет.*) Qu'est ce que vous avez, bonne amie? Pourquoi toussiez vous?³⁵

M-lle Bienaimé. Rien, rien... je ne sais pas... cette sonate doit être bien difficile.³⁶

Вера (*вполголоса*). Как она мне надоедает... (*К Горскому.*) Что ж вы молчите?

Горский. Я? отчего я молчу? я самого себя спрашиваю: виноват ли я перед вами? Точно, каюсь: виноват. Язык мой – враг мой. Но послушайте. Вера Николаевна... Помните, я вам вчера читал Лермонтова, помните, где он говорит о том сердце, в котором так безумно с враждой боролась любовь...^[8] (*Вера тихо поднимает глаза.*) Ну, ну, вот я и не могу продолжать, когда вы на меня так смотрите...

Вера (*пожимает плечами*). Полноте...

Горский. Послушайте... Сознаюсь вам откровенно: мне не хочется, мне страшно поддаться тому невольному очарованию, которого я наконец не могу же не признать... Я всячески стараюсь от него отделаться, словами, насмешками, рассказами... Я болтаю, как старая девка, как ребенок...

Вера. Зачем же это? Отчего нам не остаться хорошими друзьями?.. Разве отношения между нами не могут быть просты и естественны?

Горский. Просты и естественны... Легко сказать... (*Решительно.*) Ну да, я виноват перед вами и прошу у вас прощения: я хитрил и хитрю... но я могу вас уверить. Вера Николаевна, что какие бы ни были мои предположения и решения в вашем отсутствии, с первых ваших слов все эти намерения разлетаются, как дым, и, я чувствую... вы будете смеяться... я чувствую, что я нахожусь в вашей власти...

Вера (*понемногу переставая играть*). Вы мне говорили то же самое вчера вечером...

Горский. Потому что я то же самое чувствовал вчера. Я решительно отказываюсь лукавить с вами.

Вера (*с улыбкой*). А! видите!

---

³³ Еще бы... (*франц.*).

³⁴ Имел честь выслушать ваши признания. (*франц.*).

³⁵ Что с вами, друг мой? Почему вы кашляете? (*франц.*).

³⁶ Ничего, ничего... я не знаю... эта соната, должно быть, очень трудна. (*франц.*).

Горский. Я ссылаюсь на вас самих: вы должны же знать наконец, что я вас не обманываю, когда я вам говорю...

Вера (*перебивая его*). Что я вам нравлюсь... еще бы!

Горский (*с досадой*). Вы сегодня недоступны и недоверчивы, как семидесятилетний ростовщик! (*Он отворачивается; оба молчат некоторое время.*)

Вера (*едва продолжая наигрывать*). Хотите, я вам сыграю вашу любимую мазурку?

Горский. Вера Николаевна! не мучьте меня... Клянусь вам...

Вера (*весело*). Ну, полноте, давайте руку. Вы прощены. (*Горский поспешно жмет ей руку.*) Nous faisons la paix, bonne amie!³⁷

Mlle Bienaimé (*с притворным удивлением*). Ah! Est-ce que vous vous étiez querellés?³⁸

Вера (*вполголоса*). О невинность! (*Громко.*) Oui, un peu³⁹. (*Горскому.*) Ну, хотите, я вам сыграю вашу мазурку?

Горский. Нет; эта мазурка слишком грустна... В ней слышится какое-то горькое стремление вдаль; а мне, уверяю вас, мне и здесь хорошо. Сыграйте мне что-нибудь веселое, светлое, живое, что бы играло и сверкало на солнце, словно рыбка в ручье... (*Вера задумывается на мгновение и начинает играть блестящий вальс.*) Боже мой! как вы милы! Вы сами похожи на такую рыбку.

Вера (*продолжая играть*). Я вижу отсюда monsieur Мухина. Как ему, должно быть, весело! Я уверена, что он то и дело ремизится.

Горский. Ништо ему.

Вера (*после небольшого молчания и все продолжая играть*). Скажите, отчего Станицын никогда не досказывает своих мыслей?

Горский. Видно, у него их много.

Вера. Вы злы. Он неглуп; он предобрый человек. Я его люблю.

Горский. Он превосходный солидный человек.

Вера. Да... Но отчего платье на нем всегда так дурно сидит? словно новое, только что от портного? (*Горский не отвечает и молча смотрит на нее.*) О чем вы думаете?

Горский. Я думал... Я воображал себе небольшую комнатку, только не в наших снегах, а где-нибудь на юге, в прекрасной далекой стороне...

Вера. А вы сейчас говорили, что вам не хочется вдаль.

Горский. Одному не хочется... Кругом ни одного человека знакомого, звуки чужого языка изредка раздаются на улице, из раскрытого окна веет свежестью близкого моря... белый занавес тихо округляется, как парус, дверь раскрыта в сад, и на пороге, под легкой тенью плюща...

Вера (*с замешательством*). О, да вы поэт...

Горский. Сохрани меня бог. Я только вспоминаю.

Вера. Вы вспоминаете?

Горский. Природу – да; остальное... все, что вы не дали договорить – сон.

Вера. Сны не сбываются... в действительности.

Горский. Кто это вам сказал? Mademoiselle Bienaimé? Предоставьте, ради бога, все подобные изречения женской мудрости сорокапятилетним девицам и лимфатическим юношам. Действительность... да какое самое пламенное, самое творческое воображение угонится за действительностью, за природой? Помилуйте... какой-нибудь морской рак во сто тысяч раз фантастичнее всех рассказов Гофмана;^[9] и какое поэтическое произведение гения может сравниться... ну, вот хоть с этим дубом, который растет у вас в саду на горе?

---

³⁷ Мы помирились, добрый друг. (*франц.*).

³⁸ А! Разве вы поссорились? (*франц.*).

³⁹ Да, немного (*франц.*).

Вера. Я готова вам верить, Горский!

Горский. Поверьте, самое преувеличенное, самое восторженное счастье, придуманное прихотливым воображением праздного человека, не может сравниться с тем блаженством, которое действительно доступно ему... если он только останется здоровым, если судьба его не возненавидит, если его имения не продадут с аукционного торгу и если, наконец, он сам хорошенько узнает, чего ему хочется.

Вера. Только!

Горский. Но ведь мы... но ведь я здоров, молод, мое имение не заложено...

Вера. Но вы не знаете, чего вам хочется...

Горский (*решительно*). Знаю.

Вера (*вдруг взглянула на него*). Ну, скажите, коли знаете.

Горский. Извольте. Я хочу, чтобы вы...

Слуга (*входит из столовой и докладывает*). Владимир Петрович Станицын.

Вера (*быстро поднимаясь с места*). Я не могу его теперь видеть... Горский! я, кажется, вас поняла наконец... Примите его вместо меня... вместо меня, слышите... *puisque tout est arrangé*...⁴⁰ (*Она уходит в гостиную.*)

M-lle Bienaimé. Eh bien? Elle s'en va?⁴¹

Горский (*не без смущения*). Oui... Elle est allée voir...⁴²

M-lle Bienaimé (*качая головой*). Quelle petite folle!⁴³ (*Встает и тоже уходит в гостиную.*)

Горский (*после небольшого молчания*). Что ж это я? Женат?.. «Я, кажется, вас поняла наконец»... Вишь, куда она гнет... «*puisque tout est arrangé*». Да я ее терпеть не могу в эту минуту! Ах, я хвастун, хвастун! Перед Мухиным я как храбрился, а теперь вот... В какие поэтические фантазии я вдавался! Только недоставало обычных слов: спросите маменьку... Фу!.. какое глупое положение! Так или сяк надо кончить дело. Кстати приехал Станицын! О судьба, судьба! скажи мне на милость, смеешься ты надо мною, что ли, или помогаешь мне? А вот посмотрим... Но хорош же мой дружок, Иван Павлыч...

Входит Станицын. Он одет щеголем. В правой руке у него шляпа, в левой корзинка, завернутая в бумагу. Лицо его изображает волнение. При виде Горского он внезапно останавливается и быстро краснеет. Горский идет к нему навстречу с самым ласковым видом и протянутыми руками.

Горский. Здравствуйте, Владимир Петрович! как я рад вас видеть...

Станицын. И я... очень... Вы как... вы давно здесь?

Горский. Со вчерашнего дня, Владимир Петрович!

Станицын. Все здоровы?

Горский. Все, решительно все, Владимир Петрович, начиная с Анны Васильевны и кончая собачкой, которую вы подарили Вере Николаевне... Ну, а вы как?

Станицын. Я... Я слава богу... Где же они?

Горский. В гостиной!.. в карты играют.

Станицын. Так рано... а вы?

Горский. А я здесь, как видите. Что это вы привезли? гостинец, наверное?

---

⁴⁰ Раз всё улажено... (*франц.*).

⁴¹ Как? Она ушла? (*франц.*)

⁴² Да... Она ушла посмотреть... (*франц.*).

⁴³ Какая сумасбродка! (*франц.*).

Станицын. Да, Вера Николаевна намедни говорила... я послал в Москву за конфетами...

Горский. В Москву?

Станицын. Да, там лучше. А где Вера Николаевна? (*Ставит шляпу и конспекты, на стол.*)

Горский. Она, кажется, в гостиной... смотрит, как играют в преферанс.

Станицын (*боязливо заглядывая в гостиную*). Кто это новое лицо?

Горский. А вы не узнали? Мухин, Иван Павлыч.

Станицын Ах да... (*Переминается на месте.*)

Горский. Вы не хотите войти в гостиную?.. Вы словно в волнении, Владимир Петрович!

Станицын. Нет, ничего... дорога, знаете, пыль... Ну, голова тоже... (

В гостиной раздается взрыв общего смеха... Все кричат: «Без четырех, без четырех!» Вера говорит: «Поздравляю, monsieur Мухин!»

Станицын. (*Смеется и опять заглядывает в гостиную.*) Что это там... обремизился кто-то?

Горский. Да что ж вы не войдете?..

Станицын. Сказать вам правду. Горский... мне бы хотелось поговорить несколько с Верой Николаевной.

Горский. Наедине?

Станицын (*нерешительно*). Да, только два слова. Мне бы хотелось... теперь... а то в течение дня... Вы сами знаете...

Горский. Ну, что ж? войдите да скажите ей... Да возьмите ваши конфеты...

Станицын. И то правда. (*Подходит к двери и все не решается войти, как вдруг раздается голос Анны Васильевны: «C'est vous, Woldemar? Bonjour... Entrez donc...»⁴⁴ Он входит.*)

Горский (*один*). Я недоволен собой... Я начинаю скучать и злиться. Боже мой, боже мой! да что ж это во мне происходит такое? Отчего поднимается во мне желчь и приступает к горлу? отчего мне вдруг становится так неприятно весело? отчего я готов, как школьник, накуролесить всем, всем на свете, и самому себе между прочим?^[10] Если я не влюблен, что за охота мне дразнить и себя и других? Жениться? Нет, я не женюсь, что там ни говорите, особенно так, из-под ножа. А если так, неужели же я не могу пожертвовать своим самолюбием? Ну, восторжествует она, – ну, бог с ней. (*Подходит к китайскому бильярду и начинает толкать шары.*) Может быть, мне же лучше будет, если она выйдет замуж за... Ну, нет, это пустяки... Мне тогда не видать ее, как своих ушел... (*Продолжает толкать шары.*) Загадаю... Вот если я попаду... Фу, боже мой, что за ребячество! (*Бросает кий, подходит к столу и берет за книгу.*) Что это? русский роман... Вот как-с. Посмотрим, что говорит русский роман. (*Раскрывает наудачу книгу и читает.*) «И что же? не прошло пяти лет после брака, как уже пленительная, живая Мария превратилась в дебелую и крикливую Марью Богдановну... Куда девались все ее стремления, ее мечтания»... О господа авторы! какие вы дети! Вот вы о чем сокрушаетесь! Удивительно ли, что человек стареется, тяжелеет и глупеет? Но вот что жутко: мечтания и стремления остаются те же, глаза не успевают померкнуть, пушок со щеки еще не сойдет, а уж супруг не знает, куда деться... Да что! порядочного человека уже перед свадьбой лихорадка колотит... Вот они, кажется, сюда идут... Надо спасаться... Фу, боже мой! точно в «Женитьбе» Гоголя...^[11] Но я по крайней мере не выпрыгну из окошка, а преспокойно выйду в сад через дверь... Честь и место, господин Станицын!

В то время как он поспешно удаляется, из гостиной входят Вера и Станицын.

---

⁴⁴ Это вы, Вольдемар? Здравствуйте... Входите же... (*франц.*).

Вера (*Станицыну*). Что это, кажется, Горский в сад побежал?

Станицын. Да-с... я... признаться... ему сказал, что я с вами наедине желал... только два слова...

Вера. А! вы ему сказали... Что же он вам...

Станицын. Он... ничего-с...

Вера. Какие приготовления!.. Вы меня пугаете... Я уже вчерашнюю вашу записку не совсем поняла...

Станицын. Дело вот в чем, Вера Николаевна... Ради бога, простите мне мою дерзость... Я знаю... Я не стою... (*Вера медленно подвигается к окну; он идет за ней.*) Дело вот в чем... Я... я решаюсь просить вашей руки... (*Вера молчит и тихо наклоняет голову.*) Боже мой! я слишком хорошо знаю, что я вас не стою... с моей стороны это, конечно... но вы меня давно знаете... если слепая преданность... исполнение малейшего желания, если все это... Я прошу вас простить мою смелость... Я чувствую. (*Он останавливается. Вера молча протягивает ему руку.*) Неужели, неужели я не могу надеяться?

Вера (*тихо*). Вы меня не поняли, Владимир Петрович.

Станицын. В таком случае... конечно... простите меня... Но об одном позвольте мне попросить вас, Вера Николаевна... не лишайте меня счастья хоть изредка видеть вас... Я вас уверяю... я вас не буду беспокоить... Если даже с другим... Вы... с избранным... Я вас уверяю... я буду всегда радоваться вашей радости... Я знаю себе цену... где мне, конечно... Вы, конечно, правы...

Вера. Дайте мне подумать, Владимир Петрович.

Станицын. Как?

Вера. Да, оставьте меня теперь... на короткое время... я вас увижу... я с вами поговорю...

Станицын. На что бы вы ни решились, вы знаете, я покорюсь без ропота. (*Кланяется, уходит в гостиную и запирает за собою дверь.*)

Вера (*смотрит ему вслед, подходит к двери сада и зовет*). Горский! подите сюда, Горский! (*Она идет к авансцене. Через несколько минут входит Горский.*)

Горский. Вы меня звали?

Вера. Вы знали, что Станицын хотел говорить со мной наедине?

Горский. Да, он мне сказал.

Вера. Вы знали зачем?

Горский. Наверное – нет.

Вера. Он просит моей руки.

Горский. Что ж вы ему отвечали?

Вера. Я? ничего.

Горский. Вы ему не отказали?

Вера. Я попросила его подождать.

Горский. Зачем?

Вера. Как зачем, Горский? Что с вами? Отчего вы так холодно смотрите, так равнодушно говорите? что за улыбка у вас на губах? Вы видите, я иду к вам за советом, я протягиваю руку, – а вы...

Горский. Извините меня. Вера Николаевна... На меня находит иногда какая-то тупость... Я на солнце гулял без шляпы... Вы не смейтесь... Право, может быть, от этого... Итак, Станицын просит вашей руки, а вы просите моего совета... а я спрашиваю вас: какого вы мнения о семейной жизни вообще? Ее можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет.

Вера. Горский! я вас не понимаю. Четверть часа тому назад, на этом месте (*указывая на фортепьяно*), вспомните, так ли вы со мной говорили? так ли я вас оставила? Что с вами, смеетесь вы надо мной? Горский, неужели я это заслужила?

Горский (*горько*). Я вас уверяю, что я и не думаю смеяться.

Вера. Как же мне объяснить эту внезапную перемену? Отчего я вас понять не могу? Отчего, напротив, я... Скажите, скажите сами, не была ли я всегда откровенна с вами, как сестра?

Горский (*не без смущения*). Вера Николаевна! я...

Вера. Или, может быть... посмотрите, что вы меня заставляете говорить... может быть, Станицын возбуждает в вас... как это сказать... ревность, что ли?

Горский. А почему же нет?

Вера. О, не притворяйтесь... Вам слишком хорошо известно... Да притом что я говорю? Разве я знаю, что вы обо мне думаете, что вы ко мне чувствуете...

Горский. Вера Николаевна! знаете ли что? Право, нам лучше на время раззнакомиться...

Вера. Горский... что это?

Горский. Шутки в сторону... Наши отношения так странны... Мы осуждены не понимать друг друга и мучить друг друга...

Вера. Я никому не мешаю меня мучить; но мне не хочется, чтобы надо мной смеялись... Не понимать друг друга... – отчего? разве я не прямо гляжу вам в глаза? разве я люблю недоразумения? разве я не говорю всего, что думаю? разве я недоверчива? Горский! если мы должны расстаться, расстанемся по крайней мере добрыми друзьями!

Горский. Если мы расстанемся, вы ни разу и не вспомните обо мне.

Вера. Горский! вы словно желаете, чтобы я... Вы хотите от меня признания... Право. Но я не привыкла ни лгать, ни преувеличивать. Да, вы мне нравитесь – я чувствую к вам влечение, несмотря на ваши странности, – и... и только. Это дружелюбное чувство может и развиваться, может и остановиться. Это зависит от вас... Вот что во мне происходит... Но вы, вы скажите, что вы хотите, что думаете? Неужели вы не понимаете, что я не из любопытства вас спрашиваю, что мне надо же знать наконец... (*Она останавливается и отворачивается.*)

Горский. Вера Николаевна! выслушайте меня. Вы счастливо созданы богом. Вы с детства живете и дышите вольно... Истина для вашей души, как свет для глаз, как воздух для груди... Вы смело глядите кругом и смело идете вперед, хотя вы не знаете жизни, потому что для вас в жизни нет и не будет препятствий. Но не требуйте, ради бога, той же самой смелости от человека темного и запутанного, как я, от человека, который много виноват перед самим собою, который беспрестанно грешил и грешит... Не вырывайте у меня последнего, решительного слова, которого я не выговорю громко перед вами, может быть, именно потому, что я тысячу раз сказал себе это слово наедине... Повторяю вам: будьте ко мне снисходительны или бросьте меня совсем... подождите еще немного...

Вера. Горский! верить ли мне вам? Скажите – я вам поверю, – верить ли мне вам наконец?

Горский (*с невольным движением*). А бог знает!

Вера (*помолчав немного*). Подумайте и дайте мне другой ответ.

Горский. Я всегда лучше отвечаю, когда не подумаю.

Вера. Вы капризны, как маленькая девочка.

Горский. А вы ужасно проникательны... Но вы меня извините... Я, кажется, сказал вам: «подождите». Это непростительно глупое слово просто сорвалось у меня с языка...

Вера (*быстро покраснев*). В самом деле? Спасибо за откровенность.

Горский хочет отвечать ей, но дверь из гостиной вдруг открывается, и все общество входит, исключая т-lle Vienaimé. Анна Васильевна в приятном и веселом расположении духа; ее под руку ведет Мухин. Станицын бросает быстрый взгляд на Веру и Горского.

Г-жа Либанова. Вообразите, Eugène, мы совсем разорили господина Мухина... Право. Но какой же он горячий игрок!

Горский. А! я и не знал!

Г-жа Либанова. C'est incroyable!⁴⁵ Ремизится на всяком шагу... (*Садится.*) А вот теперь можно гулять!

Мухин (*подходя к окну и с сдержанной досадой*). Едва ли; дождик начинает накрапывать.

Варвара Ивановна. Барометр сегодня очень опустился... (*Садится немного позади г-жи Либановой.*)

Г-жа Либанова. В самом деле? Comme c'est contrariant! Eh bien⁴⁶, надо что-нибудь придумать... Eugène, и вы, Woldemar, это ваше дело.

Чуханов. Не угодно ли кому сразиться со мной в бильярд? (*Никто ему не отвечает.*) А не то так закусить, рюмку водочки выпить? (*Опять молчание.*) Ну, так я один пойду, выпью за здоровье всей честной компании...

Уходит в столовую. Между тем Станицын подошел к Вере, но не дерзает заговорить с нею... Горский стоит в стороне. Мухин рассматривает рисунки на столе.

Г-жа Либанова. Что же вы, господа? Горский, затейте что-нибудь.

Горский. Хотите, я вам прочту вступление в естественную историю Бюффона?^[12]

Г-жа Либанова. Ну, полноте.

Горский. Так давайте играть в petits jeux innocents⁴⁷.

Г-жа Либанова. Что хотите... впрочем, я это не для себя говорю... Меня, должно быть, управляющий уже в конторе дожидается... Пришел он, Варвара Ивановна?

Варвара Ивановна. Вероятно-с, пришел-с.

Г-жа Либанова. Узнайте, душа моя. (*Варвара Ивановна встает и уходит.*) Вера! подойди-ка сюда... Что ты сегодня как будто бледна? Ты здорова?

Вера. Я здорова.

Г-жа Либанова. То-то же. Ах да, Woldemar, не забудьте мне напомнить... Я вам дам в город комиссию. (*Вере.*) Il est si complaisant!⁴⁸

Вера. Il est plus que cela, maman, il est bon.⁴⁹

Станицын восторженно улыбается.

Г-жа Либанова. Что это вы рассматриваете с таким вниманием, monsieur Мухин?

Мухин. Виды из Италии.

Г-жа Либанова. Ах, да... это я привезла... un souvenir...⁵⁰ Я люблю Италию... я там была счастлива... (*Вздыхает.*)

Варвара Ивановна (*входя*). Пришел Федот-с, Анна Васильевна!

---

⁴⁵ Это невероятно! (*франц.*).

⁴⁶ Как это досадно! Ну что ж (*франц.*).

⁴⁷ маленькие невинные игры (*франц.*).

⁴⁸ Он такой услужливый! (*франц.*).

⁴⁹ Больше того, маменька, он добр. (*франц.*).

⁵⁰ воспоминание (*франц.*).

Г-жа Либанова (вставая). А! пришел! (К Мухину.) Вы сыщите... там есть вид Лаго-Маджиоре...^[13] Прелесть!.. (К Варваре Ивановне.) И староста пришел?

Варвара Ивановна. Пришел староста.

Г-жа Либанова. Ну, прощайте, mes enfants...⁵¹ Eugène, я вам их поручаю... Amusez-vous...⁵² Вот к вам на подмогу идет mademoiselle Bienaimé. (Из гостиной входит m-lle Bienaimé.) Пойдемте, Варвара Ивановна!..

Уходит с Морозовой в гостиную. Воцаряется небольшое молчание.

М-lle Bienaimé (сухеньким голосом). Eh bien, que ferons nous?⁵³

Мухин. Да, что мы будем делать?

Станицын. Вот в чем вопрос.^[14]

Горский. Гамлет сказал это прежде тебя, Владимир Петрович!.. (Вдруг оживляясь.) Но, впрочем, давайте, давайте... Видите, какой дождь полил... Что в самом деле сложа руки сидеть?

Станицын. Я готов... А вы, Вера Николаевна?

Вера (которая все это время оставалась почти неподвижною). Я тоже... готова.

Станицын. Ну и прекрасно!

Мухин. Ты придумал что-нибудь, Евгений Андреич?

Горский. Придумал, Иван Павлыч! Мы вот что сделаем. Сядем все кругом стола...

М-lle Bienaimé. Oh, ce sera charmant!⁵⁴

Горский. N'est-ce pas?⁵⁵ Напишем все наши имена на клочках бумаги, и кому первому выдернется, тот должен будет рассказать какую-нибудь несообразную и фантастическую сказку о себе, о другом, о чем угодно... Liberté entière, как говорит Анна Васильевна.

Станицын. Хорошо, хорошо.

М-lle Bienaimé. Ah! très bien, très bien.⁵⁶^[15]

Мухин. Да какую же, однако, сказку?..

Горский. Какую вздумается... Ну, сядемте, сядемте... Вам угодно, Вера Николаевна?

Вера. Отчего же нет? (Садится. Горский садится по правую ее руку. Мухин по левую, Станицын подле Мухина, m-lle Bienaimé подле Горского.)

Горский. Вот лист бумаги (разрывает лист), а вот и наши имена. (Пишет имена и свертывает билеты.)

Мухин (Вере), Вы что-то задумчивы сегодня. Вера Николаевна?

Вера. А почему вы знаете, что я не всегда такова? Вы меня видите в первый раз.

Мухин (ухмыляясь). О нет-с, как можно, чтобы вы всегда так были...

Вера (с легкой досадой). В самом деле? (К Станицыну) Ваши конфеты очень хороши, Woldemar!

Станицын. Я очень рад... что вам услужил...

Горский. О, дамский угодник! (Мешает билеты.) Вот – готово. Кто же будет выдерживать?.. Mademoiselle Bienaimé, voulez-vous?⁵⁷

---

⁵¹ Дети мои (франц.).

⁵² Забавляйтесь... (франц.).

⁵³ Итак, что же мы будем делать? (франц.).

⁵⁴ О, это будет прелестно! (франц.).

⁵⁵ Не правда ли? (франц.).

⁵⁶ Ах! прекрасно, прекрасно. (франц.).

⁵⁷ Мадемуазель Бьенэме, вам угодно? (франц.).

М-lle Bienaimé. Mais très volontiers.⁵⁸ (*С ужимкой берет билет и читает.*) Каспадин Станицын.

Горский (*Станицыну*). Ну, расскажите нам что-нибудь, Владимир Петрович!

Станицын. Да что вы хотите, чтоб я рассказал?.. Я, право, не знаю...

Горский. Что-нибудь. Вы можете говорить все, что вам в голову придет.

Станицын. Да мне в голову ничего не приходит.

Горский. Ну, это, разумеется, неприятно.

Вера. Я согласна со Станицыным... Как можно так, вдруг...

Мухин (*поспешно*). И я того же мнения.

Станицын. Да покажите нам пример, Евгений Андреич, начните вы.

Вера. Да, начните.

Мухин. Начни, начни.

М-lle Bienaimé. Oui, commencez, monsieur Gorski.⁵⁹

Горский. Вы непременно хотите... Извольте... Начинаю. Гм... (*Откашливается.*)

М-lle Bienaimé. Hi, hi, nous allons rire⁶⁰.

Горский. Ne riez pas d'avance⁶¹. Итак, слушайте. У одного барона...

Мухин. Была одна фантазия?

Горский. Нет, одна дочь.

Мухин. Ну, это почти все равно.

Горский. Боже, как ты остер сегодня!.. Итак, у одного барона была одна дочь. С собой она была очень хороша, отец ее очень любил, она очень любила отца, все шло превосходно, – но вдруг, в один прекрасный день, баронесса убедилась, что жизнь, в сущности, прескверная вещь, ей стало очень скучно – она заплакала и слегла в постель... Камерфрау тотчас побежала за родителем, родитель пришел, поглядел, покачал головой, сказал по-немецки: м-м-м-м, вышел мерными шагами и, кликнув своего секретаря, продиктовал ему три пригласительные письма к трем молодым дворянам старинного происхождения и приятной наружности. На другой же день они, разодетые в пух и прах, поочередно шаркали перед бароном, а молодая баронесса улыбалась по-прежнему – еще лучше прежнего и внимательно рассматривала своих женихов, ибо барон был дипломат, а молодые люди были женихи.

Мухин. Как ты пространно рассказываешь!

Горский. Любезный друг мой, что за беда!

М-lle Bienaimé. Mais oui, laissez-le faire⁶².

Вера (*внимательно глядя на Горского*). Продолжайте.

Горский. Итак, у баронессы были три жениха. Кого выбрать? На этот вопрос лучше всего отвечает сердце... Но когда сердце... Но когда сердце колеблется?.. Молодая баронесса была девица умная и дальновидная... Она решила подвергнуть женихов испытанию... Однажды, оставшись наедине с одним из них, белокурым, она вдруг обратилась к нему с вопросом: скажите, что вы готовы сделать для того, чтоб доказать мне свою любовь? Белокурый, по природе весьма хладнокровный, но тем более склонный к преувеличению человек, отвечал ей с жаром: я готов, по вашему приказанию, броситься с высочайшей колокольни в свете. Баронесса приветливо улыбнулась и на другой же день предложила тот же вопрос другому жениху, русому, предварительно сообщив ему ответ белокурого. Русский отвечал точно теми же словами, если возможно, с большим жаром. Баронесса обратилась, наконец, к третьему, шантрету. Шантрет

---

⁵⁸ С удовольствием (*франц.*).

⁵⁹ Да, начинайте, господин Горский (*франц.*).

⁶⁰ Хи, хи, мы посмеемся (*франц.*).

⁶¹ Не смейтесь раньше времени. (*франц.*).

⁶² Ну, дайте же ему продолжать. (*франц.*).

помолчал немного, из приличия, и отвечал, что на все другое он согласен, и даже с удовольствием, но с башни он не бросится, по весьма простой причине: раздробив себе голову, трудно предложить руку и сердце кому бы то ни было. Баронесса прогневалась на шантрета; но так как он... может быть... немножко более ей нравился, чем другие два, то она и стала приставать к нему: обещайте, мол, по крайней мере... я не потребую исполнения на деле... Но шантрет, как человек совестливый, не хотел ничего обещать...

Вера. Вы сегодня не в духе, monsieur Горский!

M-lle Bienaimé. Non, il n'est pas en veine, c'est vrai.⁶³ Никарашó, никарашó.

Станицын. Другую сказку, другую.

Горский (*не без досады*). Я сегодня не в ударе... не всякий же день... (*К Вере.*) Да и вы, например, сегодня... То ли дело вчера!

Вера. Что вы хотите сказать? (*Встает; все встают.*)

Горский (*обращаясь к Станицыну*). Вы не можете себе представить, Владимир Петрович, какой мы вчера удивительный вечер провели! Жаль, что вас не было, Владимир Петрович... Вот mademoiselle Bienaimé была свидетельницей. Мы с Верой Николаевной более часу вдвоем катались по пруду... Вера Николаевна так восхищалась вечером, так ей было хорошо... Она так, казалось, и улетала в небо... Слезы навертывались у ней на глазах... Я никогда не забуду этого вечера, Владимир Петрович!

Станицын (*уныло*). Я вам верю.

Вера (*которая все время глаз не сводила с Горского*). Да, мы были довольно смешны вчера... И вы тоже уносились, как вы говорите, в небо... Вообразите, господа, Горский мне вчера читал стихи, да какие все сладкие, задумчивые!

Станицын. Он вам читал стихи?

Вера. Как же... и таким странным голосом... словно больной, с такими вздохами...

Горский. Вы сами этого требовали, Вера Николаевна!.. Вы знаете, что по собственной охоте я редко предаюсь возвышенным чувствам...

Вера. Тем более вы меня удивили вчера. Я знаю, что вам гораздо приятнее смеяться, чем... чем вздыхать, например, или... мечтать.

Горский. О, с этим я согласен! Да и в самом деле назовите мне вещь, недостойную смеха? Дружба, семейное счастье, любовь?.. Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках... (*Мухин с улыбкой поглядывает то на Веру, то на Станицына; Вера это замечает.*)

Вера (*медленно*). Как видно, что вы говорите теперь от души!.. Но к чему вы горячитесь? Никто не сомневается в том, что вы всегда так думали.

Горский (*принужденно смеясь*). Будто? Вчера вы были другого мнения.

Вера. Почему вы знаете? Нет, шутки в сторону. Горский! позвольте вам дать дружеский совет... Не впадайте никогда в чувствительность... Она к вам вовсе не пристала... Вы так умны... Вы без нее обойдетесь... Ах да, кажется, дождик прошел... Посмотрите, какое чудесное солнце! Пойдемте а, сад... Станицын! дайте мне вашу руку. (*Быстро оборачивается и берет руку Станицына.*) Bonne amie, venez-vous?⁶⁴

M-lle Bienaimé. Oui, oui, allez toujours...⁶⁵ (*Берет с фортепьяно шляпу и надевает.*)

Вера (*остальным*). А вы, господа, не идете?.. Бегом, Станицын, бегом!

Станицын (*убегая с Верой в сад*). Извольте, Вера Николаевна, извольте.

---

⁶³ Нет, он не в ударе, это правда. (*франц.*).

⁶⁴ Друг мой, вы идете? (*франц.*).

⁶⁵ Да, да, идите, идите... (*франц.*).

Mlle Bienaimé. Monsieur Мухин, voulez-vous me donner votre bras?⁶⁶

Мухин. Avec plaisir, mademoiselle...⁶⁷ (*Горскому.*) Прощай, шантрет! (*Уходит с m-lle Bienaimé.*)

Горский (*один, подходит к окну*). Как бежит!.. и ни разу не оглянется... А Станицын-то, Станицын спотыкается от радости! (*Пожимает плечом.*) Бедняк! он не понимает своего положения... Полно, бедняк ли он? Я, кажется, слишком далеко зашел. Да что прикажешь делать с желчью? Во все время моего рассказа этот бесенок с меня глаз не спускал... Я напрасно упомянул о вчерашней прогулке. Если ей показалось... кончено, любезный друг мой Евгений Андреич, укладывайте ваш чемодан. (*Прохаживается.*) Да и пора... запутался. О случай, несчастье дураков и провидение умных людей! приди ко мне на помощь! (*Оглядывается.*) Это кто? Чуханов. Уж не он ли как-нибудь...

Чуханов (*осторожно входя из столовой*). Ах, батюшка Евгений Андреич, как я рад, что застал вас одних!

Горский. Что вам угодно?

Чуханов (*вполголоса*). Вот видите ли что, Евгений Андреич!.. Анна Васильевна, дай бог ей здоровья, леску мне на домишко изволили пожаловать, да в контору приказ отдать позабыли-с... А без приказа лесу мне не выдают-с...

Горский. Что ж, вы ей напомните.

Чуханов. Батюшка, боюсь обеспокоить... Батюшка! будьте ласковы, заставьте век о себе бога молить... Как-нибудь, между двумя словцами... (*Подмигивает.*) Ведь вы на это мастер... нельзя ли, так сказать, стороной?.. (*Еще значительнее подмигивает.*) Притом же, вы почитай что хозяин уже в доме... хе-хе!

Горский. В самом деле? Извольте, я с удовольствием...

Чуханов. Батюшка! по гроб обяжете... (*Громко и с прежними манерами.*) А коли что понадобится, только мигните. (*Откидывает голову.*) Эх, да и молодец же какой!..

Горский. Ну, хорошо... все исполню; будьте покойны.

Чуханов. Слушаю-с, ваше сиятельство! А старик Чуханов никого не беспокоит. Доложил, попросил, прибежал, а там как начальнику угодно будет. Много довольны и благодарны. Налево кругом, марш! (*Уходит в столовую.*)

Горский. Ну, кажется, из этого «случая» ничего не выжмешь... (*За дверью сада по ступеням лестницы слышны торопливые шаги.*) Кто это бежит так? Ба! Станицын!

Станицын (*вбегая впопыхах*). Где Анна Васильевна?

Горский. Кого вам?

Станицын (*внезапно останавливаясь*). Горский... Ах, если б вы знали...

Горский. Вы вне себя от радости... Что с вами?

Станицын (*берет его за руку*). Горский... мне бы по-настоящему не следовало... но я не могу – радость меня душит... Я знаю, вы всегда принимали во мне участие... Вообразите же себе... Кто бы мог это представить...

Горский. Да что такое наконец?

Станицын. Я попросил у Веры Николаевны ее руки, и она...

Горский. Что же она?

Станицын. Вообразите, Горский, она согласилась... вот сейчас, в саду... позволила мне обратиться к Анне Васильевне... Горский, я счастлив, как дитя... Какая удивительная девушка!

Горский (*едва скрывая волнение*). И вы идете теперь к Анне Васильевне?

⁶⁶ Господин Мухин, не сообразовали ли подать мне руку? (*франц.*)

⁶⁷ С удовольствием, мадемуазель... (*франц.*)

Станицын. Да, я знаю, что она мне не откажет... Горский, я счастлив, безмерно счастлив... Мне бы хотелось обнять весь мир...^[16] Позвольте по крайней мере вас обнять. (*Обнимает Горского.*) О, как я счастлив! (*Убегает.*)

Горский (*после долгого молчания*). Брависсимо! (*Кланяется вслед Станицыну.*) Честь имею поздравить... (*С досадой ходит по комнате.*) Я этого не ожидал, признаюсь. Хитрая девчонка! Однако мне надо сейчас уехать... Или нет, останусь... Фу! как сердце неприятно бьется... Скверно. (*Подумав немного.*) Ну, что ж, я разбит... Но как позорно разбит... и не так и не там, где бы хотелось... (*Подходя к окну, глядит в сад.*) Идут... Умрем по крайней мере с честью... (*Надевает шляпу, словно собирается идти в сад, и в дверях сталкивается с Мухиным, с Верой и m-lle Bienaimé, Вера держит m-lle Bienaimé под руку.*) А! Вы уже возвращаетесь; а я было пошел к вам... (*Вера не поднимает глаз.*)

M-lle Bienaimé. Il fait encore trop mouillé.⁶⁸

Мухин. Зачем ты не тотчас пошел с нами?

Горский. Меня Чуханов задержал... А вы, кажется, много бегали. Вера Николаевна?

Вера. Да... мне жарко.

M-lle Bienaimé с Мухиным отходят немного в сторону, потом начинают играть на китайском бильярде, который находится немного позади.

Горский (*вполголоса*). Я знаю все, Вера Николаевна! Я этого не ожидал.

Вера. Вы знаете... Но я не удивляюсь. У него что на сердце, то и на языке.

Горский (*с укоризной*). У него... Вы будете раскаиваться.

Вера. Нет.

Горский. Вы поступили под влиянием досады.

Вера. Может быть; но я поступила умно и раскаиваться не буду... Вы же применили ко мне стихи вашего Лермонтова; вы мне сказали, что я пойду безвозвратно, куда меня поведет случайность... Притом вы сами знаете. Горский, с вами я была бы несчастлива.

Горский. Много чести.

Вера. Я говорю, что думаю. Он меня любит, а вы...

Горский. А я?

Вера. Вы никого не можете любить. У вас сердце слишком холодно, а воображение слишком горячо. Я говорю с вами как с другом, как о вещах давно прошедших...

Горский (*глухо*). Я вас оскорбил.

Вера. Да... но вы не довольно меня любили, чтобы иметь право меня оскорбить... Впрочем, это все дело прошлое... Расстанемся друзьями... Дайте мне руку.

Горский. Я вам удивляюсь, Вера Николаевна! Вы прозрачны, как стекло, молоды, как двухлетний ребенок, и решительны, как Фридрих Великий.^[17] Дать вам руку... да разве вы не чувствуете, как горько должно быть мне на душе?..

Вера. Вашему самолюбию больно... это ничего: заживет.

Горский. О, да вы философ!

Вера. Послушайте... Мы, вероятно, в последний раз говорим об этом... Вы умный человек, а ошиблись во мне грубо. Поверьте, я не ставила вас au pied du mur⁶⁹, как выражается ваш приятель monsieur Мухин, я не налагала на вас испытания, а искала правды и простоты, я не требовала, чтобы вы прыгнули с колокольни, и вместо этого...

Мухин (*громко*). J'ai gagné⁷⁰.

---

⁶⁸ Еще слишком сыро. (*франц.*).

⁶⁹ К стенке (*франц.*).

⁷⁰ Я выиграл. (*франц.*).

М-лле Bienaimé. Eh bien! la revanche⁷¹.

Вера. Я не дала играть собою – вот все... Во мне, поверьте, горечи нет...

Горский. Поздравляю вас... Великодушие приличествует победителю.

Вера. Дайте же мне руку... вот вам моя.

Горский. Извините: ваша рука вам более не принадлежит. (*Вера отворачивается и идет к бильярду.*) Впрочем, все к лучшему в этом мире.^[18]

Вера. Именно... Qui gagne?⁷²

Мухин. До сих пор все я.

Вера. О, вы великий человек!

Горский (*трепля его по плечу*). И первый мой друг, не правда ли, Иван Павлыч? (*Кладет руку в карман.*) Ах, кстати, Вера Николаевна, пожалуйста сюда... (*Идет на авансцену.*)

Вера (*идя вслед за ним*). Что вы мне хотите сказать?

Горский (*вынимает розу из кармана и показывает ее Вере*). А? что вы скажете? (*Смеется.*) (*Вера краснеет и потупляет глаза.*) Что? ведь смешно? Посмотрите, не успела еще завянуть. (*С поклоном.*) Позвольте возвратить по принадлежности...

Вера. Если б вы меня хоть крошечку уважали, вы бы не возвратили мне ее теперь.

Горский (*отводя руку назад*). В таком случае позвольте. Пусть же он останется со мною, этот бедный цветок... Впрочем, чувствительность ко мне не пристала... не правда ли? И точно, да здравствуют насмешливость, веселость и злость! Вот я опять в своей тарелке.

Вера. И прекрасно!

Горский. Посмотрите на меня. (*Вера смотрит на него, Горский продолжает не без волнения.*) Прощайте... Вот теперь бы кстати мне воскликнуть: Welche Perle warf ich weg!^{73[19]} Но к чему? Все ведь к лучшему.

Мухин (*восклицает*). J'ai gagné encore une fois!⁷⁴

Вера. Все к лучшему. Горский!

Горский. Может быть... может быть... А, да вот растворяется дверь из гостиной... Идет фамильный полонез!

Из гостиной выходит Анна Васильевна. Ее ведет Станицын. За ними выступает Варвара Ивановна... Вера бежит навстречу матери и обнимает ее.

Г-жа Либанова (*слезливым шепотом*). Pourvu que tu sois heureuse, mon enfant...⁷⁵

У Станицына глаза разбегаются. Он готов заплакать.

Горский (*про себя*). Какая трогательная картина! И как подумаешь, что я мог бы быть на месте этого болвана! Нет, решительно, я не рожден для семейной жизни... (*Громко.*) Ну, что, Анна Васильевна, кончили ли вы наконец свои премудрые распоряжения по хозяйству, счета и расчеты?

Г-жа Либанова. Кончила, Eugène, кончила... а что?

Горский. Я предлагаю заложить карету и съездить целым обществом в лес.

Г-жа Либанова (*с чувством*). С удовольствием. Варвара Ивановна, душа моя, прикажите.

---

⁷¹ Ну что ж! Реванш. (*франц.*).

⁷² Кто выигрывает? (*франц.*).

⁷³ Какой жемчужиной я пренебрег! (*нем.*).

⁷⁴ Я еще раз выиграл! (*франц.*).

⁷⁵ Лишь бы ты была счастлива, дитя мое... (*франц.*).

Варвара Ивановна. Слушаю-с, слушаю-с. (*Идет в переднюю.*)

М-лле Bienaimé (*закатывая глаза под лоб*). Dieu! que cela sera charmant!⁷⁶

Горский. Посмотрите, как мы будем дурачиться... я весел сегодня, как котенок... (*Про себя.*) Ото всех этих происшествий кровь у меня бросилась в голову. Я словно опьянел... Боже мой, как она мила!.. (*Громко.*) Берите же ваши шляпы; едемте, едемте. (*Про себя.*) Да подойди же к ней, глупый ты человек!.. (*Станицын неловко подходит к Вере.*) Ну, так. Не беспокойся, друг мой, я в течение прогулки о тебе похлопочу. Ты у меня явишься в полном блеске. Как мне легко!.. Фу! и так горько! Ну, ничего. (*Громко.*) Mesdames, пойдемте пешком: карета нас догонит.

Г-жа Либанова. Пойдем, пойдем.

Мухин. Что это, тобой словно бес овладел?

Горский. Бес и есть... Анна Васильевна! дайте мне вашу руку... Ведь я все-таки остаюсь церемониймейстером?

Г-жа Либанова. Да, да, Eugène, конечно.

Горский. Ну, и прекрасно!.. Вера Николаевна! извольте дать руку Станицыну... Mademoiselle Bienaimé, prenez mon ami monsieur Мухин⁷⁷, а капитан... где капитан?

Чуханов (*входя из передней*). Готов к услугам. Кто меня зовет?

Горский. Капитан! дайте руку Варваре Ивановне... Вот она, кстати, входит... (*Варвара Ивановна входит.*) И с богом! марш! Карета нас догонит... Вера Николаевна, вы открываете шествие, мы с Анной Васильевной в ариергарде.

Г-жа Либанова (*тихо Горскому*). Ah, mon cher, si vous saviez, combien je suis heureuse aujourd'hui.⁷⁸

Мухин (*становясь на место с м-лле Bienaimé, на ухо Горскому*). Хорошо, брат, хорошо: не робеешь... а сознайся, где тонко, там и рвется.

Все уходят. Занавес падает.

1847

---

⁷⁶ Боже! Как это будет очаровательно! (*франц.*).

⁷⁷ Мадемуазель Бьенэме, идите с господином Мухиным (*франц.*).

⁷⁸ Ах, дорогой мой, если бы вы знали, как я сегодня счастлива. (*франц.*).

Примечания

Источники текста

Первая рукописная редакция, с полным текстом сказки Горского, запрещенной цензурой при сдаче комедии в печать. Черновой автограф, на 26 листах тетради (размер 222×181), исписанных с обеих сторон. Дата рукописи – июль 1848 г. Позднее на первом листе, над заголовком, вписано: «Посвящено Наталье Алексеевне Тучковой». В этой же рукописи карандашная запись 12 названий сцен и комедий, частью уже написанных, частью еще не законченных («Студент»), частью только задуманных (см. с. 526 наст. тома) и черновой вариант второй редакции сказки о трех женихах (л. 1 об.), датируемый 26 июня 1849 г. Автограф хранится в рукописном отделе ГПБ (ф. 795, № 19). См.: Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей. Рукописи И. С. Тургенева. Описание. Л., 1953, с. 14.

Типографские гранки журнального текста комедии, скрепленные подписью цензора А. Л. Крылова (три больших наборных листа, по 8 страниц в каждом, кончающиеся репликой Веры: «В самом деле? Спасибо за откровенность» – с. 100 наст. тома). На первом листе типографская отметка: «Г-ну цензору. Окт. 6». В тексте гранок несколько изменений, сделанных рукою цензора (см. о них ниже). Две последние гранки этого же набора, с поправками цензора и с его же отметкой от 12 октября 1848 г. о разрешении пьесы к печати, принадлежали до 1917 г. А. А. Александрову, но до нас не дошли. См. о них в «Каталоге выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук», 2-е изд., с исправлениями. Составили Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПб., 1909, с. 40. Три же первые гранки хранятся в Музее И. С. Тургенева в Орле, куда перешли из архива О. В. Галаховой.

Совр, 1848, № 11. с. 5–38.

Беловой автограф второй редакции сказки о трех женихах, от слов «У одного барона» до «В этом я еще не успел собрать справок», на двух листах почтовой бумаги, вклеенных в оттиск первопечатного журнального текста комедии. Оттиск этот, хранящийся ныне в рукописном отделении ИРЛИ, ранее принадлежал Библиотеке императорских театров (инв. № 612). В печатном тексте – ряд отметок и сокращений режиссерского порядка. Печатный перечень действующих лиц дополнен от руки именами первых исполнителей пьесы на петербургской сцене 10 декабря 1851 г.

Писарская копия журнального текста комедии, дополненная сказкой Горского о трех женихах баронессы (по рукописи ИРЛИ) и представленная в театральную цензуру 29 ноября 1851 г. Копия на 50 листах, в переплете. Текст пьесы разбит на 28 явлений и испещрен цензурными и режиссерскими сокращениями. На первом листе отметка старшего театрального цензора А. Гедерштерна от 3 декабря 1851 г. о разрешении пьесы к постановке. Копия эта, хранившаяся в Библиотеке императорских театров (инв. № 611), ныне находится в Ленинградской театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (№ 1063, шифр: II. 1. 94), см. ниже, с. 575–576.

Для легкого чтения, т. IV, с. 173–227.

Таблица исправлений и дополнений, сделанных Тургеневым в 1868 г. в тексте *Для легкого чтения* при подготовке издания 1869 г.; беловой автограф (ГИМ, фонд И. Е. Забелина, № 440, ед. хр. 1265, л. 169).

Т, Соч, 1869, ч. VII, с. 95–146.

Т, Соч, 1880, т. 10, с. 97–148.

Впервые комедия опубликована: *Совр*, 1848, № 11, с. 5–38, с посвящением Н. А. Тучковой. Подпись: Ив. Тургенев. Сказка Горского о трех женихах царевны, исключенная из журнального текста цензурой, заменена на с. 31-й двумя рядами точек. Перепечатано, с новым вариантом сказки: *Для легкого чтения*, т. IV, с. 173–227. Посвящение Н. А. Тучковой здесь отсутствовало и ни в одном переиздании комедии уже не повторялось. С небольшими сокращениями и исправлениями стилистического порядка вошла в *Т, Соч*, 1869. При подготовке этого издания Тургенев сделал на особом листе несколько поправок к тому тексту комедии, который был опубликован в 1857 г. в сборнике *Для легкого чтения*. Важнейшие из этих исправлений: с. 174 сборника – «видишь» исправлено на «увидишь»; с. 175 – «оглядывая» заменено «оглядывая его»; там же изъято слово «лучше»; с. 180 – после слова «привычному» добавлено «человеку»; с. 184 – после «он» добавлено «Вам что-нибудь сказал»; с. 187 – после «и» добавлено «говорит»; с. 192 – после «сказывал» добавлено «(Помолчав немного.) Какой у вас прекрасный дом!»; с. 194 – «брали» заменено «выбрали»; с. 205 – «говорю» заменено «поговорю»; с. 208 – «надо же» исправлено на «надо же знать»; с. 211 – после слов «Варвара Ивановна» добавлена ремарка «(входя)»; с. 218 – «видно» исправлено на «видно, что». Сверх того, устранено шесть опечаток во французских словах.

Текст комедии, установленный в 1869 г., перепечатывался во всех последующих изданиях сочинений Тургенева.

В настоящем издании комедия «Где тонко, там и рвется» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т, Соч*, 1880, т. 10, с. 97–148), с устранением опечаток, отмеченных самим Тургеневым. Сверх того, устранены две опечатки, не замеченные Тургеневым в 1880 г. в репликах Горского: вместо ошибочного: «если его имения не пропадут с аукционного торгу» печатается: «если его имения не продадут с аукционного торгу» (с. 93, строки 40–41); вместо: «Не так. Не беспокойся, друг мой» – «Ну, так. Не беспокойся, друг мой» (с. 112, строки 11–12). Эти исправления сделаны по рукописи и тексту первых публикаций комедии.

Комедия «Где тонко, там и рвется» написана Тургеневым в Париже, в июле 1848 г. Время работы над этой пьесой, задержавшей окончание ранее задуманного «Нахлебника», документируется отметкой на заглавном листе ее чернового автографа: («Драматические очерки. Париж. Июль 1848 г.»).

Первым упоминанием о новой пьесе является письмо Герцена из Парижа к его московским друзьям: «Тургенев, – сообщал он 5 августа 1848 г., – написал маленькую пьесу, очень милую, для театра, и пишет другую для Мих. Сем. <Щепкина>» (*Герцен*, т. 23, с. 90).

Н. А. Тучкова, которой была посвящена Тургеневым новая его пьеса, отмечает в своих воспоминаниях, что «Где тонко, там и рвется» было прочитано в доме ее отца во время пребывания А. А. Тучкова с дочерьми в Париже. Воспоминания Н. А. Тучковой свидетельствуют о большом внимании Тургенева к ней в эту пору, что подтверждается и письмом к ней Н. П. Огарева, относящимся к началу января 1849 г.: «Сегодня прочел комедию Тургенева, – писал он. – Тут столько наблюдательности, таланта и грации, что я убежден в будущем этого человека. Он создаст что-нибудь *важное* для Руси. А потом он вас любит» (*Рус Пропилеи*, т. IV, с. 73).

«Третьего дня Анненков читал у нас вечером Вашу комедию „Где тонко, там и рвется“, – писал Н. А. Некрасов 12 сентября 1848 г. из Петербурга в Париж Тургеневу. – Без преувеличения скажу Вам, что вещицы более грациозной и художественной в русской нынешней литературе вряд ли отыскать. Хорошо выдуманно и хорошо исполнено, – выдержано до последнего слова. Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять, – между прочим Дружинин, которого я знакомил с Анненковым. Заметил я (и все со мной *тотчас* согласились), что немного неловка сказка о куклах, ибо *почтеннейшая публика* может принять всё это место в самую ярыжную сторону и разразиться жеребьячим хохотом. Приведите себе на память это место, взгляните на него с *этой* точки, – может быть, Вы найдете это замечание достойным внимания и сочтете нужным заменить то место. С этой целью я и

сообщаю Вам его <...> Если пришлете еще рассказов, то я напечатал бы комедию в 11 №, а рассказы все, сколько их будет, оставил бы на первый №. Напишите, как Вам хочется. Если комедию на 11 №, то поторопитесь с поправкой (разумеется если вздумаете сделать ее)» (Некрасов, т. X, с. 114–116).

Однако, прежде чем «почтеннейшая публика» могла откликнуться на «сказку» Горского, о некоторой двусмысленности которой предупреждал автора Некрасов, весь этот эпизод безоговорочно был изъят из печатного текста комедии цензурой: «Из комедии Вашей вымарали сказку, – писал Некрасов 17 декабря 1848 г. Тургеневу, – и я заменил это место точками, делать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно» (там же, с. 121).

Из журнальной редакции комедии был полностью изъят не только текст сказки о трех женихах царевны^[20], но и еще несколько мест, признанных цензором «Современника» недопустимыми в печати. В числе устраненных слов и строк были и такие, которые заостряли сатирические характеристики представителей правящего класса (например, ремарка «старый лизоблюд» в данных о капитане Чуханове на с. 78, слово «помещица» в упоминании о «крикливой помещице Марье Богдановне» на с. 96, некоторые существенные детали автопризнаний Горского (например, на с. 85: «Эта смешная осторожность, этот преувеличенный страх, не предполагает ли какую-то ребяческую веру в будущность и в жизнь») и даже отдельные слова (например, на с. 99 в реплике: «Но не требуйте, ради бога, той же самой смелости и свободы от человека темного и запутанного, как я» были изъятые слова «и свободы»). Характерно, что во всех позднейших перепечатках пьесы Тургенев не устранил навязанных ему в 1848 г. цензурой искажений начального текста.

К доработке текста «Где тонко, там и рвется» Тургенев возвратился, как свидетельствует рукопись комедии, в середине июня 1849 г., имея, вероятно, в виду возможную постановку пьесы на сцене. Оставив основной текст без изменений, он переделал только сказку Горского о трех женихах, учитывая цензурные требования. Точная дата нового варианта сказки определяется отметкой в рукописи первой редакции комедии (л. 20 об.) на полях первоначального варианта сказки: «NB. Смотри. Le 26 Juin 1849». Дата эта повторялась на том же листе еще дважды, причем один раз в форме «26 (14) J.», позволяющей установить время переработки по старому и новому стилю. Теми же чернилами и тем же пером на втором листе рукописи, оставшемся прежде незаполненным, набросана была Тургеневым вторая редакция сказки. Этот новый ее вариант существенно отличался от первоначальной, в котором речь шла не о баронессе, а о царевне, не о бароне, а о царе, не о двух женихах, отличавшихся своею одеждою («желтоватый» и «голубоватый»), а о трех, отличавшихся цветом своих волос (белокурый, русый и черноволосый). Развит был в новом варианте сказки мотив испытаний, предлагавшихся женихам царевной, и вовсе подверглись изъятию строки о куклах, неуместность которых отмечена была в письме Некрасова от 12 сентября 1848 г.

До нас дошел не только черновой автограф нового варианта сказки Горского (см. *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. II, с. 326–328), но и беловой ее текст – на двух листках тонкой почтовой бумаги, вклеенных Тургеневым в оттиск первопечатного текста комедии (*ИРЛИ*, 4192, с. 39, л. 17 и 19). С этого сводного текста сделана была писарская копия пьесы, с режиссерской разбивкой ее на 28 явлений, представленная 29 ноября 1851 г. в театральную цензуру. К постановке комедия разрешена была 3 декабря 1851 г. с некоторыми дополнительными изменениями: в первом монологе Горского «генерал» заменен был «бароном», а вместо «пронюхивать» поставлено «узнавать». В реплике Горского: «Какая трогательная картина» и пр. (с. 111) «болван» заменен «глупцом». На следующей странице в строку: «Ведь я все-таки остаюсь церемониймейстером» перед последним словом вставлено «вашим». На с. 106 вычеркнуто: «А там давай бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках» (см.: *Пьтин, Списки пьес Т*, с. 204–205).

В театральной редакции комедии было сделано, кроме того, несколько режиссерских сокращений, а французские сентенции и диалоги переведены на русский язык. В этом же цензурно-театральном списке комедии сохранился режиссерский вариант ее концовки:

«**Мухин** (*становясь на место с m-lle Bienaimé, на ухо Горскому*).
Хорошо, брат, хорошо. Но согласись...
Горский. Где тонко, там и рвется. Согласен! (Занавес.)»

Премьера комедии «Где тонко, там и рвется» состоялась 10 декабря 1851 г. в Петербурге в бенефис Н. В. Самойловой. Пьеса поставлена была в числе шести других одноактных комедий и водевилей в присутствии, видимо, самого Тургенева. К этому же времени относился и тот перечень исполнителей пьесы, который сделан был Тургеневым на первом листе ее черновой рукописи: «Сосницкая. В. Самойлова. M-lle J. Bras. Мартынов. Максимов. Каратыгин 2-й. Григорьев»^[21].

«Афиша чудесная, – писал под впечатлением этого спектакля известный водевилист и режиссер Н. И. Куликов 10 декабря 1851 г. – Шесть разных штук, спектакль кончился в 1-м часу... но увы... сбор был очень мал, в сравнении с прежними бенефисами. Лучше всех пьеса Тургенева „Где тонко, там и рвется“, комедия в одном действии. В. Самойлова и Максимов 1 превосходно выполнили свои роли. Хотя и нет в пьесе настоящей комедии по пошлым правилам драматургии, – зато сцены исполнены жизни, ума и чувства. Идея Онегина с Татьяной, – что, впрочем, на сцене еще ново» (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. IV, с. 25).

Пьеса тем не менее успеха не имела и после еще двух представлений (12 и 16 декабря) была снята с репертуара (*Вольф, Хроника*. Ч. II. СПб., 1877, с. 170; *СПб Вед*, 1851, № 278, 282, 284).

Анонимный автор обзора «Петербургские театры в ноябре и декабре 1851 г.», характеризуя «Где тонко, там и рвется» как «прекрасную комедию», заключал свой детальный пересказ ее содержания следующими словами: «Судя по тому, что эта пьеса явилась на сцене года три после того, как была напечатана, можно заключить, что она писана не для сцены. В ней, в самом деле, очень мало сценического, очень мало того, что поражало бы всех, нравилось бы всем. В ней также есть много длиннот, очень занимательных и даже необходимых в чтении, но утомительных на сцене. Вот почему эта пьеса произвела сомнительное впечатление, несмотря на то, что была прекрасно разыграна. Г-жа Самойлова 2-я и г-н Максимов очень верно поняли свои роли и сумели с большим искусством передать их психологическую сторону» (*Отеч Зап*, 1852, № 1, отд. VIII, с. 60).

15 июня 1856 г. Некрасов обратился к Тургеневу с просьбой дать разрешение на перепечатку комедии «Где тонко, там и рвется» в издаваемой им серии *Для легкого чтения* (Некрасов, т. X, с. 278). В письмах от 4 и 10 июля того же года Тургенев выразил согласие на эту перепечатку, после чего пьеса его вошла в четвертый том издания *Для легкого чтения*.

В этом сборнике, разрешенном цензурой 13 сентября 1856 г., комедия «Где тонко, там и рвется» впервые появилась в печати с текстом сказки Горского о трех женихах баронессы, но не в том ее варианте, который был включен в театральную редакцию комедии в 1851 г., а с некоторыми новыми исправлениями стилистического порядка, которые перешли затем без всяких изменений в издание 1869 г.

Текст «Где тонко, там и рвется», опубликованный в сборнике *Для легкого чтения* в 1856 г., имел еще одну особенность: в нем отсутствовало посвящение пьесы Н. А. Тучковой, которая была уже в это время женою эмигранта Н. П. Огарева. Есть все основания предполагать, что снятие посвящения в данном случае объяснялось не волею автора, а цензурно-полицейскими требованиями, так как посвящение это отсутствовало и в отдельном издании комедии, выпущенном книгопродавцем Ф. Стелловским в 1861 г, без какого бы то ни было участия Тургенева^[22]. Текст этого издания, разрешенный цензурой 18 января 1861 г., пред-

ставлял собою механическую перепечатку искаженного цензурой журнального текста комедии, со всеми его дефектами, даже с двумя рядами точек, заменившими в «Современнике» 1848 г. сказку Горского. В редакции 1856 г. комедия «Где тонко, там и рвется», с самыми незначительными сокращениями и исправлениями, вошла в издание «Сцен и комедий» 1869 г.

Особый литературно-театральный жанр, тематику и формы которого усвоил Тургенев в «Где тонко, там и рвется», был канонизирован в конце тридцатых – начале сороковых годов в «Драматических пословицах» («*Proverbes dramatiques*») Альфреда Мюссе. Характеристика пьес этого типа, данная на страницах «Современника» тотчас же после публикации «Где тонко, там и рвется», настолько искусно определяла специфические черты нового драматургического стиля, что, несмотря на отсутствие в этой анонимной статье (ее автором был, видимо, И. И. Панаев) прямых упоминаний о Тургеневе, ее можно рассматривать сейчас как первый историко-литературный комментарий к одной из популярнейших впоследствии «сцен и комедий».

«Г-н Мюссе создал еще новый род небольших драматических разговоров, которые он назвал пословицами (*proverbe*), потому что они действием своим выражают смысл, заключающийся в этих пословицах... Эти драматические пьески, печатавшиеся в „*Revue des deux Mondes*“, в первый раз появились на сцене петербургского французского театра (в 1842/1843 г.) и уже потом поставлены были в Париже на сцене *Théâtre Français*. В них нет почти сценического действия; главное достоинство их заключается в том неуловимо тонком и изящном светском разговоре, который может быть понят и передан только такими образованными артистами, каковы г-жа Аллан, Плесси и г-н Аллан. Пьески эти имели и на петербургской и на парижской сцене успех блистательный. У нас, к сожалению, до сих пор не существует светский разговорный язык, и потому передать в переводе драматические пословицы г. Мюссе очень трудно: они непременно должны утратить эту тонкость и этот свежий прозрачный колорит, которые составляют главное их достоинство. Переводить эти пословицы так же трудно, как, например, с художественною тонкостью скопировать какой-нибудь мастерской акварельный рисунок» (*Совр*, 1848, № 12, отд. II, с. 198–199).

После этой литературно-критической декларации ссылки на связь «пословиц» Мюссе с некоторыми из «сцен и комедий» становятся неременной принадлежностью всех критических разборов драматургии Тургенева. Никаких признаний в этом направлении самого автора «Где тонко, там и рвется» до сих пор неизвестно, но несколько строк одного из писем его к Полине Виардо, отражавших впечатления от игры г-жи Аллан на парижской сцене в «*Caprice*» Мюссе 27 ноября 1847 г., позволяют установить предысторию «Где тонко, там и рвется» и «Месяца в деревне»: «Кальдерон, – писал Тургенев 19 декабря 1847 г., – гений совершенно исключительный и мощный прежде всего. Мы же, слабые потомки могучих предков, можем стремиться к достижению лишь того, чтобы казаться грациозными в своей слабости. – Я думаю о „*Caprice*“ Мюссе, который продолжает производить здесь фурор»^[23].

Комедия «Где тонко, там и рвется» получила единодушную положительную оценку критики.

«Недавно напечатана была в „Современнике“, – писал П. В. Анненков в 1849 г. в „Заметках о русской литературе прошлого года“, – небольшая комедия г. Тургенева: „Где тонко, там и рвется“, открывающая новую сторону его таланта, именно живопись лиц в известном круге действующих, где не может быть ни сильных страстей, ни резких порывов, ни запутанных происшествий. Кто знает, как велик этот круг, тот поймет заслугу автора, умевшего отыскать содержание и занимательность там, где вошло в обыкновение предполагать отсутствие всех интересов. Такими чертами обрисовал он главное лицо комедии, скептическое до того, что оно не верит собственному чувству, и запутанное так, что из ложного понятия о независимости оно отказывается от счастья, которого само искало. Всякому случалось встретить подобный характер, гораздо труднейший для передачи, чем многие великолепные герои трагедий или многие нелепые герои комедий. Интрига, простая до крайности, в комедии г. Тургенева не теряет ни

на минуту своей живости, а комические лица, которыми обставлена главная действующая чета, переданы, так сказать, с артистическою умеренностью» (*Совр*, 1849, № 1, отд. III, с. 20).

«Несколько месяцев тому назад, – развивал положения эти А. В. Дружинин, – автор „Записок охотника“ в маленькой пьеске „Где тонко, там и рвется“ доказал <...> что новая русская комедия может сделаться занимательною, если в нее ввести дельную мысль, наблюдательность и занимательный разговор» (*Совр*, 1849, № 10, отд. V, с. 288). Как «грациозную мастерскую этюду, предназначенную не для сцены и между тем вполне драматическую» – характеризовал «Где тонко, там и рвется» и анонимный рецензент «Отечественных записок» (1850, № 1, отд. V, с. 18).

Впечатления широкой театральной аудитории от новой пьесы Тургенева отражала эпиграмма П. А. Каратыгина:

Тургенев хоть у нас и славу заслужил,
На сцене же ему не слишком удается!
В комедии своей он так перетончил,
Что скажешь нехотя: где тонко, там и рвется^[24].

Под впечатлением неуспеха пьесы в Петербурге Тургенев письмом от 6 (18) марта 1852 г. к С. В. Шумскому (см. с. 570) запретил ее постановку и в Москве. Запрет был снят только в конце года, когда Тургенев дал согласие на включение комедии «Где тонко, там и рвется» в число четырех произведений, идущих в бенефис С. В. Шумского. Спектакль состоялся 5 ноября 1852 г. и был повторен 11 ноября (*Моск вед*, 1852, № 133 и 135, 4 и 8 ноября). Роли исполняли: Веры Николаевны – А. П. Чистякова, Станицына – С. В. Васильев, Горского – И. В. Самарин, Мухина – Д. Т. Ленский, капитана Чуханова – М. С. Щепкин (*Театр насл*, с. 311). Несмотря на блестящий состав исполнителей, пьеса в репертуаре не удержалась.

Неудачей «Где тонко, там и рвется» на петербургской и московской сценах была облегчена критическая работа и принципиальных отрицателей «драматических пословиц» Мюссе и его русских продолжателей. «Авторы всех подобных произведений, – писал в 1859 г. А. Григорьев в статье „И. С. Тургенев и его деятельность“, – стремились к *тонкости*. Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландского белья, и т. д. – *тонкость*, одним словом, и притом такая, что стан, того и гляди, напомнит жердочку в народной песне:

Тонка-тонка – гнется, боюсь – переломится <...>

Кончались *дела* обыкновенно или *мирно*, сознанием героя и героини, что они *могут позволить себе любить*, из чего, *eo ipso*, выходило – за сценой, разумеется, и желанное заключение, – или *трагически*: герой и героиня расставались „в безмолвном и гордом страдании“, пародируя трагическую тему Лермонтова... И этой жалкой моде, этому поветрию апатии и праздности, – поддался, скажете вы, талант Тургенева... Да, скажу я без запинки, и укажу прямо на „Провинциалку“ и на „Где тонко, там и рвется“. Пусть „Где тонко, там и рвется“, по истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтических черт – стоит над всем этим *дамским* и *кавалерским* баловством столь же высоко, как пословицы Мюссе; пусть в „Провинциалке“ женское лицо очерчено хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста <...>, но всё же эти произведения – жертва моде и какая-то женская прихоть автора „Записок охотника“, „Рудина“ и „Дворянского гнезда“»^[25].

Признание высоких литературных достижений Тургенева в «Где тонко, там и рвется» и утверждение комедии в репертуаре всех русских театров последовало лишь после воскрешения традиций тургеньевских «сцен и комедий» в психологической драме конца XIX – начала XX в.

Первым развернутым ответом критикам, недооценивавшим комедию «Где тонко, там и рвется», явилась характеристика этой пьесы в статье Е. Цабеля (см.: *Zabel*, S. 156–157), основные положения которой были развиты в обзоре Л. Я. Гуревич «Комедии Тургенева на сцене Художественного театра» в 1912 г.: «„Где тонко, там и рвется“ – первая по времени вполне законченная пьеса Тургенева из русской жизни – вызывает, кажется, наиболее упреков в недостатке драматизма. В ней нет ни ярких характеров, ни глубоких чувств и вспышек страсти. Сложная, изменчивая, насквозь сознательная психология двух главных ее героев – Горского и Верочки – кажется даже с первого взгляда салонно-поверхностной, не затрагивающей никаких серьезных мотивов человеческого существования, не заключающей в себе никаких внутренние характерных конфликтов. Нет! это неверно, всмотритесь. В этой несмелой, но быстро сменяющейся в своих этапах борьбе двух человеческих душ, то приближающихся друг к другу, разгорающихся, то смущенно отстраняющихся, затронуты коренные инстинкты мужской и женской природы. Он хочет владеть ею, покорить ее, не связывая себя, не отдавая ей безраздельно своей жизни. Она хочет отдать себя всецело, но с тем, чтобы и он полностью принадлежал ей <...> В беглых, играющих художественных намеках представлены здесь эти непримиримые, вековые противоречия жизни»^[26].

О постановках комедии «Где тонко, там и рвется» на сцене Александрийского театра в Петербурге в 1891 и 1908 гг. и в Московском Художественном театре в 1912 г. см.: Бердников Г. П. Тургенев и театр. М., 1953, с. 588–589; Московский Художественный театр. 1898–1938. Библиография. Сост. А. А. Аганбекян. М.; Л: Изд. ВТО, 1939. с. 51–52.

Условные сокращения

- Анненков и его друзья* – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.
- Боткин и Т* – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.
- Гоголь* — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.
- Гроссман, Театр Т* — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.
- Для легкого чтения* – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.
- Лит учеба* – «Литературная учеба» (журнал).
- Лит Музеум* – Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.
- Моск Вед* – «Московские ведомости» (газета).
- Москв* – «Москвитянин» (журнал).
- Отчет ИПБ* – Отчеты императорской Публичной библиотеки.
- Пыпин, Списки пьес Т* — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.
- Салтыков-Щедрин* — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.
- СПб Вед* – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
- Т сб (Пиксанов)* – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).
- Т, Соч, 1865* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.
- Т, Соч, 1869* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.
- Т, Соч, 1891* – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.
- Т, 1856* – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.
- Т и Савина* – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.
- Т и театр* — Тургенев и театр. М., 1953.
- Театр насл* — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.
- Толстой* – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.
- Труды ГБЛ* – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.
- Тучкова-Огарева* – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.
- Чернышевский* – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).
- Mazon* – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.
- Zabel* – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

Показывает ему «Journal des Débats». – «Le Journal des Débats» – газета, выходила в Париже в 1814–1864 гг.

2.

...«мы получаем „Телеграф“». – Цитата из поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825), звучащая в реплике Горского очень иронически, как и в первоисточнике; «Московский телеграф» – двухнедельный литературно-критический журнал, с модными картинками, выходивший в 1825–1834 гг. под редакцией Н. А. Полевого.

3.

...сама живет и жить дает другим. – Эта поэтическая формула вошла в русский язык после стихотворения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы»: «Живи и жить давай другим, но только не за счет другого» (1798). В романе «Рудин» (1855) Тургенев отмечал: «Есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые и сами не живут и другим не дают».

4.

...держится для этого на подножном корму разорившийся капитан в отставке. – Слова «на подножном корму», изъятые в 1848 г. из журнального текста цензурой, были восстановлены в Т, Соч, 1869, ч. VII.

5.

. Авось и в Сциллу не попаду и Харибду миную! – По древнегреческому мифу, Сцилла и Харибда – два чудовища, жившие на прибрежных скалах на расстоянии выстрела из лука друг от друга (Гомер, «Одиссея», 12 песни). Переносно: настигающая или грозящая опасность с двух сторон.

6.

C'est Rastrelli... – Растрелли Бартоломео (1700–1771), итальянец по происхождению, русский зодчий XVIII столетия.

7.

Сонату Клементи. – Клементи Муцио (1752–1832), английский музыкант, создатель классической формы фортепьянной сонаты.

8.

Помните, я вам вчера читал Лермонтова ~ о том сердце, в котором ~ с враждой боролась любовь... – Речь идет о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Оправдание» (1841).

9.

. ...какой-нибудь морской рак во сто тысяч раз фантастичнее всех рассказов Гофмана... – Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), немецкий писатель-романтик, в произведениях которого реальность нередко переплеталась с полупризрачными, фантастическими образами.

10.

...отчего я готов, как школьник, накуролесить всем, всем на свете... – В рукописи Тургенева и в цензурных гранках журнального текста вместо «накуролесить» было «напакостить». Рукою цензора последнее слово было заменено словом «напроказить», но редакция «Современника», не согласившись с правкой цензора, заменила в журнальном тексте глагол «напакостить» – вариантом «накуролесить», который и сохранился во всех перепечатках комедии.

11.

...точно в «Женитьбе» Гоголя... – Горский имеет в виду бегство Подколесина перед самым венцом («Женитьба», 1842, д. 2, явл. 21).

12.

Хотите, я вам прочту вступление в естественную историю Бюффона? – Жорж-Луи Леклер, граф Бюффон (1707–1788), автор многотомной «Histoire naturelle générale et particulière», частично переведенной и на русский язык. См. также наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 518.

13.

...там есть вид Лаго-Маджиоре... – Имеется в виду живописное озеро на южном склоне Альп. В апреле-мае 1840 г. во время своего путешествия по Италии Тургенев побывал там. См. его письмо к А. П. Ефремову от 5(17) мая 1840 г.

14.

Вот в чем вопрос. – Слова из монолога Гамлета «Быть или не быть, вот в чем вопрос» (У. Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 1).

15.

Эти две реплики (Станицына и M-lle Bienaimé) произносятся вместе.

16.

Мне бы хотелось обнять весь мир... – Перефразировка слов Дон Гуана в «Каменном госте» Пушкина, сцена III, стих 130.

17.

...решительны, как Фридрих Великий. – Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский король, представитель так называемого «просвещенного абсолютизма»; с детства отличался храбростью и воинственностью духа, независимостью суждений.

18.

...всё к лучшему в этом мире. – Усеченная цитата из «Кандида» Вольтера («Всё к лучшему в этом лучшем из миров»).

19.

Welche Perle wart ich weg! – Цитата из трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» (1801), акт V, явл. 10.

20.

Эти страницы впервые были опубликованы Н. Л. Бродским в сб. «Свиток», кн. 2, М., 1922, с. 116; см. также: Т, ПСС и П, Сочинения, т. II, с. 312–314.

21.

Эти имена актеров впоследствии были зачеркнуты и заменены Тургеневым в автографе пьесы фамилиями ее исполнителей на одном из великосветских любительских спектаклей, видимо, в 1852 г.: «Г-жа Баратынская. Кн. Гагарина. Шеловский. Маркевич. Долгорукий. Фредро» (ГПБ, ф. 795, № 19, л. 1).

22.

В письме Тургенева к Е. Я. Колбасину от 20 сентября 1860 г. есть глухое упоминание о получении им из Петербурга какого-то текста (печатного или рукописного – неясно) «Где тонко, там и рвется». Возможно, что эта посылка была связана с подготовкой издания Стелловского.

23.

Для характеристики особенностей восприятия в России в эту пору комедий Мюссе сошлемся на заметку в «Северной пчеле»: «С легкой руки г-жи Аллан, пересадившей комедию-поговорку „Carpe diem“ с петербургской на парижскую сцену, пьесы Альфреда де Мюссе вошли теперь в моду и из собрания их, вышедшего в свет уже лет за десять перед сим, теперь почерпают обильную дань. Со времени открытия театров после прекращения представлений в Париже, вследствие кровавых смут, две главные пьесы, игранные с успехом, принадлежат этому писателю. Одна из них: *Il ne faut jurer de rien*, комедия в трех действиях, была представлена на бывшем Французском театре (нын. Театре Республики) накануне июньского мятежа и возобновилась теперь с успехом; другая, *Le Chandelier*, также комедия в 3-х действиях, дана недавно на Историческом театре» (Сев Пчела, 1848, 23 августа, № 188). Как известно, Тургенев перевел (возможно, что в это самое время) «*La Chanson de Fortunio*» – романс клерка из комедии «*Le Chandelier*» («Подсвечник») Мюссе («Не ждете ль вы, что назову я, кого люблю...», – см. наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 323). Данные о ранней русской переделке «Каприза» Мюссе и о постановке его в бенефис А. М. Каратыгиной в сезон 1837/38 г. см.: Вольф, Хроника, ч. I, с. 61–62 и 108.

24.

Варнеке Б. В. История русского театра. Ч. 2. Казань, 1910, с. 332; то же, 2-е изд., 1913, с. 601.

25.

Рус Сл, 1859, № 5, отд. «Критика», с. 23–25. (Перепечатано в Сочинениях А. Григорьева, СПб., 1876, с. 351–352). Протест против русских подражаний комедиям Мюссе см. также в вводных страницах Достоевского к циклу статей о русской литературе в журнале «Время» (1861, № 1, отд. 3, с. 8); ср.: Достоевский, т. XVIII, с. 47.

26.

Совр, 1912, № 5, с. 319. Исключительно интересен в этом же плане отзыв Чехова об этой комедии в его письме от 24 марта 1903 г. к О. Л. Книппер: «„Где тонко, там и рвется“ написано в те времена, когда на лучших писателях было еще сильно заметно влияние Байрона и Лермонтова с его Печориным; Горский ведь тот же Печорин. Жидковатый и пошловатый, но всё же Печорин» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. 1951. Т. 20, с. 77). В статье Е. Цабеля образы Веры и Горского возводились к характерам Беатриче и Бенедикта в комедии Шекспира «Много шума из ничего».